

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

5 / 2018

2018

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

Журнал издается при информационной поддержке
"Литературной газеты"

Главный редактор:
Валерий Иванов

Руководитель проекта:
Екатерина Цыганкова

Шеф-редактор:
Ольга Шевчук

Корректор:
Юлия Халфина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная верстка:
Алина Симонова

Оформление обложки:
Садердинова Марьям
И.С. Тургенев цв. автолитография, 2018

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5 стр. 1, к. 36.
Тел.: 8 (495) 690-50-72, 691-63-36
E-mail: acproet@yandex.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2018
© ИПО «У Никитских ворот», 2018
© Коллектив авторов, 2018

ТЕМА НОМЕРА:

«200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА»

1

ПОЭЗИЯ

ИГОРЬ АРТАМОНОВ

Артамонов Игорь Викторович (Игорь Арт), родился в г. Новомосковск, Тульская обл., в 1964 г. Поэт, писатель, член МГО СП России. Закончил: Новомосковский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева (инженер), Открытый университет при Российской Академии Образования (юрист), Международный университет в Москве (экономист), Международную Евроакадемию в г. Таллин, Эстония (эколог).

После переезда в Москву в 2000 г. выступал в лит. гостиных и издавался в периодических изданиях.

Член СП России с 2005 г., автор девяти сборников: «Предчувствие любви» (2007), «Странник» (2008), «Облако-клубок» (2009), «Седьмой материк» и «Поезд СВ» (2010), «Мозаика слов» (2014), «Две души» (2015) (в соавторстве с Ольгой Офицеровой), «Старый город» (2015), «Из осени – в весну» (2018), сборника прозаических произведений и текстов более чем к 50-ти песням – соавтор 4 CD-дисков песен. Лауреат и дипломант поэтических конкурсов, член художественного совета творческого центра «Облака вдохновения». Выступает и сотрудничает с популярными исполнителями и композиторами, песни исполняются на концертных площадках в России и за рубежом.

Седьмой материк

*Над матерями и жёнами,
Как над материками жёлтыми...*

Леонид Губанов

Я брошу тень к твоим ногам
Одеждой строчек.
Любовь приходит иногда –
Я знаю почерк.
А рожи превращу в холсты
Небесных радуг,
И верю, не укроешь ты
Немую радость.
Я птицей смелой на восток
Взмахну крылами,
Где солнца утренний цветок
Палит губами...
Сгорю, издав прощальный крик
Тебе, Джульетта,
Седьмой забытый материк
В объятьях света.

Где ты

*Облака, как скомканная постель,
После страстной безумной ночи...*

Е. Солодкий

Тёплым пухом застелю постели.
Облака – кудрявые подушки.
Уложу тебя под птичьи трели
На хмельные простыни в веснушках.

Прошепчу молитву поднебесью –
Разнесётся над ночью былью
То ли нежной колыбельной песнью,
То ли вещей сине-звёздной пылью.

Ты уснёшь, сияя тёплым воском,
Не дышу – мгновенья сна считаю.
А волос – пленительная роскошь!
А ресниц – волнующая стая!

И душа, закутанная в полночь,
Жарким ветром с губ моих согрета...
Я рассвет тобой хотел заполнить,
Только Где Ты, Где Ты, Где Ты, Где Ты?!..

Фонарщик

*Гореть и светить может только
фонарь. А зажечь его может только
фонарщик.*

Неизвестный автор

Дорогая, посмотри на звёзды,
Видишь, ночь воспламеняет спичку?
Ты меня считаешь несерьёзным
И берешь мою любовь в кавычки?

Видишь, ночь воспламеняет спичку,
Зажигая праздничную ёлку?
Но ты ищешь свёртки по привычке,
И слова – как острые иголки.

Зажигает ёлку, словно в праздник,
Под канун Великого Крещенья!..
Ты сложи, родная, наши пазлы
На холсте Святого Воскресенья.

Знай, для нас на небе всходят звёзды,
И Земля кружится только с нами!..
Ты меня считаешь несерьёзным,
Всё кавычки ставишь над словами...

И спокойно засыпаю рядом,
Под горящим небосводом мира...
Для тебя развесил я гирлянды
По углам малюсенькой квартиры.

На поезде «СВ»

На сонном поезде СВ
Найду забытый полустанок.
«Привет, – шепчу ему, – привет...»,
Сойду, прислушаюсь, останусь.
Останусь у желАННОЙ рощи,
Чернявой и коротко стриженной,
И с Гумилёвской Чёрной площади
Уйду просить руки у вишен.
Здесь был, когда сочились ягоды,
С полвека и полгоря – больше,
Когда завистливыми взглядами
Судили «дерзкие» калоши.
Когда наивны были, ветрены,
В лицо смеялись непогодам,
Когда нас жарили на вертеле
В глухих скворечниках Ягоды...

Вот зреет в облаке туманном
Заря Серебряного рока,
И пляшет муза Мандельштама
Под строевые ноты Блока...
Ложится бронзовый Акрополь
В ладонь с Волошинской лампадкой...
И я хотел быть белым тополем
И обнимать зарю украдкой.

Простите, боги и насмешники,
Не клюйте, вековые вороны,
Что не нашёл приют у грешников,
Что выбирал тропинки вольные.
Пустите на бульвары сонные
Мою серебряную душу,
Я прошепчу стихи не сорные,
И сердцем снова будут слушать.
И сердцем снова станут плакать –
Как будто пули в нём засели –
Над «белой ночью» Пастернака,
Над рыжей Родиной Есенина...

А поезд мчится, он не спит.
И наши песни станут Вехой!
И карандаш в руке скрипит:
Мы – дети Золотого Века!

Безысходность

*Ночь, улица, фонарь, аптека...
Всё будет так. Исхода нет...*

*Александр Блок
Ночь, улица, фонарь, аптека...*

Будильник – кофе – утро – электричка –
Аврал – начальник – скомканный обед.
Подруга – слёзы – тридцать, а без личной –
Совет – премьера – очередь – билет.

Причёска – платье – каблучок – помада –
Партер – улыбка – запах сигарет.
Антракт – знакомство – плитка шоколада –
Вопрос – сомненье – занавес – ответ.

Прогулка – ужин – белый танец – свечи –
Волнение – губы – смелый комплимент –
Такси – квартира – повод – связь наречий...
Вновь утро – кофе... Всё без перемен.

Икона

*На дороге пустынной
Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасшего дня...*

*К. Бальмонт
Я мечтою ловил...*

На дороге пустынной, ведущей в кромешную тьму,
Я заметил окно, словно в поле живую икону,
Там горела лампадка, а яростный свет потону,
Что светилась душа и металась без плача, без стона.

А металась она оттого, что хотела любить,
Но её одиночество было исканий итогом.
И молилась душа, и просила себя сохранить,
И пылала, и путь озаряла мне к Господу Богу.

Но я шёл, не желая менять этой жизни маршрут.
И, стремясь к своей цели, на свет не желал отвлекаться.
Вдруг лампадка погасла, я понял, что скоро умру:
Без души суждено на Земле мне во мраке скитаться.

Старый город

Я пью тишину позабытого города,
глазами въедаясь в седые кварталы.
Наверно, и он был когда-нибудь молод,
наверно, как я, вслух стихами картавил.

Базарчик. Поют подворотни, как жаворонки.
Галдит детвора, покупая пирожные...
А мой капучино страдает, как раненый,
приметив хозяина взгляд растревоженный.

Угрюмый гранит. Мелодичная площадь,
пропахшая солью и утренним смогом,
Рыдает шарманка, а дряхлая лошадь
задумчивым взглядом беседует с Богом...

Старинная башня чугунным дуэтом
тревожит пришельца слезливую память...
Спешу, пусть Россия стихами поэта
сырую, дождливую зиму разбавит.

Утро в Париже

Ты встречала когда-нибудь утро в Париже?
Нет?

Послушай, что я расскажу:

Летний дождь отмывает вишнёвые крыши
от вчерашних петард, барабаня «бонжур»;
одинокий турист – несмышлёный ребёнок –
ищет в карте маршрут наступившего дня,
заблудился, как в дебрях,
счастливый... влюблённый...

Почему только он?

Нет! Конечно, и я!

Ты в Париже когда-нибудь мерила утро
глубиной, новизною проснувшихся чувств?
И готова учить с ним язык «Камасутры»,
чтоб почувствовать сладостный вкус его уст?

А на Сене кораблик – последний прохожий,
пожелавший найти в прошлой ночи уют...
Я стою на Полях с сонно-радостной рожей,
умиляясь, как голуби с пальцев клюют.

И от Арки до Лувра – мальчишкой вприпрыжку!
С неба Эйфеля городу песни пою...
Ты встречала когда-нибудь утро в Париже?
Нет?
А значит, Париж я тебе подарю!

Музыка

В словах звучала музыка. И я
искал причину оказаться ближе,
предчувствуя нашествие затишья
в расцвете лет у звонкого ручья.

Играла ты. И оживал рояль
в своей непогрешимости звучанья.
И пел ручей, мелодией венчальной
в душе моей разыгрывался альт.

И в унисон сплетались гроздья нот.
Два инструмента – нас – никто не слышал,
Стремился звук к истокам точки высшей,
Стелился покрывалом возле ног.

И мой порыв был побеждён тобой!
Но жили в нас той Музыки секреты...
Мне не найти и в Библии ответа:
за что мы получаем в дар Любовь?

Бумажный пароходик

Гудят протяжно пароходы –
В порту достаточно зевак –
Сейчас гудок уже не в моде,
А раньше был как добрый знак,
И раньше швартовались баржи,
До труб набитые песком...
Кораблик снился мне бумажный,
Но что-то я всё не о том...

Шли годы в ногу ровным шагом,
Штормили разные моря,
И было нерушимым благом
Бросать у дома якоря.
Но только в памяти мальчонки
Гнал ветерок бумаги ком,
И пусть кораблик был никчёмный,
Он плыл, но я всё не о том...

Взрослели, замуж выходили,
Давали детям имена
И расходились, вновь любили –
Менялись люди и страна.
И только в памяти однажды
На грани прожитых невзгод
Приплыл кораблик мой бумажный –
За мной, мой белый пароход.

Гуляет ветер над рекою,
Бежит весёлый мальчуган.
Мы стали близкими судьбою –
Он в снах такой же великан!
Но не о том я – небылицы
Несложно в сказке прочитать:
Как из тетрадной страницы
Рождалась светлая мечта.

Пассажир

В переплетеньях бытия
Мне виделась бескрайность мира.
Но поезд пожелал, и я
Его стал верным пассажиром.

В окне мерещилась страна,
Весною в ней дышала осень.
Но вновь под снегом полынья
Рожила спорные вопросы.

В тревоге маялся вагон –
Свободой в нем не надышаться –
И разливался песни стон:
«Виват! Две тысячи и ...надцать»...

Но я всего лишь пассажир.
Мне не свернуть с дороги этой.
На шпалах вытянулась Жизнь,
И колея сейчас – примета.

Стучит под сердцем полотно,
Под мерный шаг я засыпаю.
И, может, это только сон,
А может жизнь моя – слепая?

ВЛАДИМИР БЕРЁЗКО

Море впечатлений

Полёт на краю ночи

Мы улетали из Туниса,
Страны прекрасной и босой,
И девушки арабской ночи
Там провожали нас домой.

Берёзко Владимир Эдуардович родился в 1964 году в г. Кострома. Образование высшее. В 1985 году окончил Костромское высшее военное командное училище химической защиты. В 1995 году окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1997 году — Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Мировая экономика».

В 2003 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме «Конституционно-правовые взгляды Б. Н. Чичерина».

Владеет английским языком.

Воинское звание — полковник. Член Союза журналистов Москвы. За работу в «горячих точках» награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени (с изображением мечей).

Работает в жанре детективной прозы.

1985—1991 гг. — служба на различных должностях в Вооружённых Силах СССР.

1991—1993 гг. — корреспондент газеты «Красный воин» Московского военного округа.

1993—2000 гг. — старший литературный сотрудник газеты «Красная звезда».

2000—2002 гг. — старший референт пресс-службы Министерства Обороны РФ.

С 2002 по февраль 2011 г. — редактор информационных программ телеканала «Россия».

А за бортом шумело небо,
И дивно с левой стороны
Круг солнца медленно садился...
А справа, в синей темноте,
Надменно, с вызовом крутился
В холодном свете диск Луны...

Град в Средиземном море

Распахнуто небо дождём,
Исчезли небесные сини,
По берегу быстро идём,
А с неба нам падают льдинки.

В краю Средиземной земли
Они беззащитны, нелепы,
И тают, сгорая в пыли
В лучах африканского лета...

Слезами далёкой зимы
На крыльях ветров прилетели.
В трепещущей неге любви
С тобой мы тогда отдохнули.

Закончился отпуск. Увы...

Встреча на проспекте ("To be or not to be")

И весь от радости робея,
К красоте скромно подошёл:
– Как величать Вас, орхидея?
– Неважно... От десятки – ночь...

Сражѐнный в сердце страсти пулей,
Пошѐл с друзьями я в трактир.
Гудел до драки пьяный улей,
Я новый разодрал мундир...

Избитая в стихах дилемма
В дорожной пряталась пыли:
Ведь деньги были не проблема
Но не было опять Любви...

Арабская девушка

Рассыпались нежные сини,
И ветер, как в шутку, несѐт
Посылку из снежной России
В края африканских красот.

И словно испугано небо;
Одевшись совсем налегке,
Снега – не в Тунисе, но льдинку
Сжимает арабка в руке.

В ладонях принцессы арабской
Растаял несбывшийся снег,
А я загляделся: красотка!
Еѐ не забуду вовек!

«Тропа разведчика»

За Вашей нежной красотой,
Сгорая в сладостном страданьи,
Плетусь неведомой тропой,
Боясь души очарований...

Шагая в ногу, как солдат,
В следах неброских милой дамы,
Мечтал проникнуть в сладкий сад,
Но Вы сказали мне: «Не надо...»

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ

* * *

Звенигородское шоссе
Звенит и плачет.
А я пишу своё эссе
И не могу иначе.

Быть может, много потерял,
А приобрёл немного,
Но каждый день прожит не зря –
Спасибо Богу!

21.11.13

Алексей Александрович Волков — поэт и писатель, автор нескольких художественных книг и поэтических сборников, активно и плодотворно работает в жанре детской литературы, является автором популярной «взрослой» сказки «Необыкновенные приключения Просто Капельки». В своём творчестве открыт, свободен, экспериментирует, старается передавать эмоции и чувства с помощью яркой палитры стилей и жанров. В произведениях автора преобладают лирические, богато окрашенные литературные ноты, отражающие его глубокую, неподдельную любовь и союз со Вселенной, Землёй, Родиной, Человеком. Произведения автора очень символичны и наполнены смыслом, который зачастую читается между строк, где открывается индивидуальное видение мироздания и жизненных ценностей.

Пузенько Бога

Я в Пузеньке Бога,
Я – маленький очень,
Я знаю немного,
Но знаю я точно,
Что Пузеньке Бога
Я нужен и важен,
Ведь Пузенькой Бога
Я стану однажды...

22.02.17

Мы – прохожие

Мы прохожие, только прохожие
В этом мире большом и маленьком,
Мы похожие, очень похожие
На дождя сиротливые капельки,

Для чего же мы в мир этот просимся
И душой понимаем – не лишни мы?
Просто наше чувство совести
Помогает дышать Всевышнему.

12.10.17

Волшебные воспоминанья дней

Волшебные воспоминанья дней
В моей душе живут и дышат,
Вновь мальчик маленький во сне
Под утро голос папы слышит.

Волшебные воспоминанья дней
Собрались в пазлы аккуратно.
И нет их чище и родней,
Хоть не вернуть те дни обратно.

Волшебные воспоминанья дней.
Путь к Богу? Или вспышка в небе?
Они со мною и во мне
Везде, где был я и где не был.
Волшебные воспоминанья дней...

27.06.18

Очаровательные дни

Очаровательные дни.
Медовый Спас, и лето нежит.
Уже не жарко, и огни
Всё раньше нас неонам режут.

Очаровательные дни
Нас успокоят и подлечат.
Пусть скоро кончатся они,
Но точно-точно станет легче.

14.08.18

* * *

Воздух глубокий и влажный,
С мягкой осенней прохладой,
Солнечный лучик отважный
Светит на радость взгляду.

Пруд – абсолютно зеркальный,
Лес занавесился дымкой,
Зимний период начальный
Хрустнул прозрачною льдинкой...

08.11.18

Поэзия

Поэзия – это не труд,
Поэзия – это полёт,
В душе разрывается жгут,
Давая движенье вперёд,

Часы замедляют свой ход,
Когда ты уже высоко,
Поэзия – это полёт,
Хоть это понять нелегко.
Ведь, кажется, нужно корпеть
Над рифмами дни напролёт,
Но вы заблуждаетесь, ведь
Поэзия – это полёт...

15.02.18

Драгоценные и бесконечные...

Вечерняя аллея, осень, тают дни,
Ещё минут пятнадцать, и совсем уже стемнеет.
Мгновенья эти драгоценные, но от того ещё ценнее,
Что бесконечно длинные они...

19.10.18

ОЛЕГ ГОНОЗОВ

* * *

Не позвонить тебе из самолета,
Из вязких, словно вата облаков...
А так охота, слышишь, так охота
Отправить с неба парочку звонков.

Эх, кто бы знал, как я хочу услышать
Твой голос, что не слышал сотню лет,
Как в трубку ты, взволнованная, дышишь,
И говоришь коронное «Привет!»

Пусть за бортом немыслимая стужа,
Мне слышится, как будто бы в бреду:
«Ты мне, как никогда, любимый, нужен!
Скорее возвращайся! Очень жду!»

Олег Гонозов — член Союза российских писателей, заслуженный работник культуры РФ. Стихи публиковались в коллективных сборниках, в журналах «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Русь», в альманахах «Паровозь», «Образ». В 1997 году в Ярославле вышла книга стихотворений «Признание городу».

Разговор с океаном

– Океан, океан, я не знал тебя раньше,
Я не видел твоих оглушительных волн...
– Ты откуда? – спросил.
Я ответил: – Из Раши...
Из России занёс меня, грешного, чёлн.

Мне уже шестьдесят...
– Это мало, наверно?
– Сколько есть – все мои, – улыбаюсь в ответ.
– Это мало, мой друг, это грустно и скверно,
Мне давно не один миллион уже лет.

Я решил промолчать. Ну а что ему скажешь,
Если я как песчинка в сравнении с ним?
Завтра я окунусь снова в снежную Рашу –
Вот такой непоседливый я пилигрим.

* * *

– Стихи писать – не кирпичи ворочать, –
Смеются надо мною иногда.
Я соглашаюсь: вот уж это точно!
Нет легче и приятнее труда!

По осени проснешься среди ночи,
А ночи в сентябре легки, тихи –
Возьмешь бумагу, ручку... И короче:
Кропаешь до утра свои стихи!

ИЛЬЯ ЕРМОЛКИН

Сюита по стихотворениям в прозе И. С. Тургенева

Райский сон

*О, лазурное царство! Я видел тебя
во сне... И та, которую каждый из нас
любил, – она была тут... невидимо и близ-
ко. Её рука возьмёт твою руку – и увлечёт
тебя за собой в неувядаемый рай.*

*И. С. Тургенев
Лазурное царство*

Я гляжу сквозь оконную раму,
В поседевшее за ночь стекло
На дорожку, ведущую к храму,
Что совсем от дождей развезло.

Илья Ермолкин – выпускник Гимназии во имя Иоанна Богослова, студент журфака МГУ, член литобъединения «Гимназист». Лауреат творческих и чтецких конкурсов. Автор сборника стихов «Дивный сад» (М., 2017, издательство «Гимназия»).

Светлый лес зеленеет от елей,
Соловьи и зарянки поют,
Распрекрасные, дивные трели, –
Всё как будто в лазурном раю!

Ивы дремлют над речкой прозрачной,
Всё в жемчужинах сладкой росы,
И нимфея цветёт у невзрачной,
Жёлто-серой песчаной косы.

Облака собираются в кучи,
Перед ливнем всё стихло кругом,
Чуть мгновенье – и треснули тучи:
Белый росчерк по небу и гром!

Нам не страшно, идём по тропинке,
Я твою рукою храним,
Знает каждая ель и осинка:
Я тобой бесконечно любим!

Я проснулся, взгрустнулось немного,
За окном посветлело давно,
Храм стоит величаво и строго,
Я про сонное думал кино...

Учи язык, о человек!

Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

И. С. Тургенев

Учи язык, о человек!
Тебе с ним коротать свой век,
Законы мира познавать.
Свои богатства нужно знать!

Коль грамотеем прослывёшь,
То в суть любых вещей войдёшь!
А языка не будешь знать –
Двух слов не сможешь ты связать...

О, человек! Учи язык –
Чего б ты без него достиг?!

О несравненно высоком чувстве

*Все говорят: Любовь – самое высокое,
самое неземное чувство. Чужое «я» внед-
рилось в твоё: ты расширен и ты нару-
шен; ты только теперь зажил, и твоё «я»
умерщвлено.*

*И. С. Тургенев
Любовь*

В груди, внутри, где сердце бьётся,
Где чувства яркие горят,
Там две души в одно сольются –
И птицей в небо воспарят!

Спроси меня: «Любовь какая
На ощупь, вкус, на запах, цвет?»
Отвечу я: «Она – святая,
И излучает чудный свет!»

Кто не любил, тот жизнь не знает,
Кто был любим, тот всё узнал,
Кто любит – плачет и страдает,
Но счастье всё равно снискал!

ЕВГЕНИЯ ЗАЛЕССКАЯ

Весна

Вдох. Глубже тянешь воздух в лёгкие.
Запах. Чувствуешь ноты новые.
Глаза. Прикрыты, чтоб лучше чувствовать.
Перемены. Весной уготованы.

Привкус. Лёгкости в воздухе.
Бежать до горизонта хочется.
Душа парит в невесомости.
От этого легче становится.

Волосы на ветру колышутся,
Словно в поле подсолнухи.
Радость тихонько слышится –
Вот её песня сольная.

Пряность повсюду, но лёгкая,
Хрупкая, но уловимая,
Словно приправа, для тонкости,
Но послевкусие длинное...

Залесская Евгения Александровна – активный путешественник, действующий преподаватель английского, пожизненный мечтатель, одержимый авокадо и мятой.

Краски пастельные бледные,
Робкие, словно подснежники.
После зимы очень трудно им
В холод добавить нежности.

Яркость, она ведь грубая,
Только в конце приходит,
Вот почему пролог
Так на весну походит...

* * *

Стремление стремглав стреляет
Достигнуть и достать,
Не отпускать, не ослаблять, –
Напротив, сдерживать, держать.

Гонения, погоня, гонка.
Движение вперёд. Заслонка.
От мира дивного такого.
Не превратись в героя злого.

Скорее скорость сократи, –
Вдохни полнее грудью воздух,
Проникнись миром изнутри,
Пусти в себя добра отросток...

* * *

Хочется удивляться хорошему,
Доброму, светлому, неповторимому,
Счастью бескрайнему, тёплому, милому,
Радости звонкой, огню негасимому...

Хочется в сердце мелодию длинную,
Но, вместе с тем, до улыбки забавную,
Плавную, чуткую, даже ранимую,
Очень уютную, нежную, странную...

Хочется в людях видеть прелестное,
Мягкое, честное, где-то волшебное,
Верное, стойкое, храброе, ценное,
Что-то родное, душевное, вечное...

* * *

Ажурные тени падали на лица –
От абажура светлого пытались скрыться
От прошлого, в своём бессилии –
Острее острого, темнее синего,
Скорее чёрного, как ночь бескрайняя,
Несли намерения, скорее тайные,
Стремилась вырваться из плена душного,
Быстрее прочь из дома нерадушного,
Но были пойманы свечей нетлеющей –
Теперь на бархате их силуэт редющий...

МАКСИМ ЗАМШЕВ

* * *

В такие морозы, в усадьбе,
тоску надоело копить
и знать, что к соседу на свадьбу
тебя не рискнут пригласить,
поскольку слывешь дебоширом
и часто бываешь нетрезв.
В такие морозы полмира
отдашь за камин и шартрез.
в такие морозы от бога
никак уж не спрячешь лица,
в такие морозы дорога
никак не дойдёт до конца.
В России легко затеряться,

Замшев Максим Адольфович – писатель, журналист. Родился в 1972 году в Москве. Окончил музыкальное училище имени Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького. С 2004 г. – главный редактор журнала «Российский колокол». С 2017 года – член Наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов. С 2015 года работает в «Литературной газете». С августа 2017 года – главный редактор «Литературной газеты». Лауреат международной премии «Никола Вапцаров», лауреат премии им. Дмитрия Кедрина, Премии Центрального федерального округа в области литературы и искусства. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

здесь всякий ничтожен и мал,
но всё-таки хочется, братцы,
чтоб кто-то тебя отыскал.
Но мысли твои не согреют,
и добрым не станет зоил.
Не жалко себя, жалко время.
И тех, кто меня не любил

Неаполитано

1.

Италия тонула во мне как «Титаник»,
С песней «Феличита», под которую танцевали
Мои одноклассники на пионерском расстоянии;
С крутым сериалом про комиссара Каттани,
Которого воскрешали и убивали
Несколько раз. И ещё с Матростяни,
И с футболом, где правил король Диего
Армандо... И вот я в Неаполе,
Отпускающем корабли, как солдат война.
Здесь зимой почти не бывает снега,
Только в этом году им глаза закапали
Бесконечным соборам, чей изогнут ряд.
Я смотрю с холма, мне бы стать спасателем,
Чтоб из памяти «Титаник» вернуть назад...
Пусть висит в небесах на обрывках арий.
Никого не смехи, не зовись писателем,
И если почувствуешь чей-то взгляд,
Не надейся – это не Януарий.

2.

Кафе «Гамбринус». Счастья слишком много,
чтоб поместиться в счёт.
Здесь был не только Горький, но и Гоголь
И кто-нибудь ещё.
От моря пахнет сыростью и морем
Таким, что не вздохнёшь.

И как же мне смириться с этим горем,
Что торжествует ложь?
Вот-вот прольются трепетные капли
На постаревший нимб.
Сплошной туман скрывает остров Капри
И всё, что было с ним.
Здесь мотоцикл с автомобилем в паре
Одной толпой рулит.
И кажется теперь, что карбонарий –
Десерта новый вид.
Не так уж сложно взять и стать счастливым,
Когда не суждено.
И даже хорошо, что дно залива –
Без лишних смыслов дно.

3.

Итальянский язык изучал я сначала по нотам,
Где оттенки и темпы привыкли друг друга менять.
Я приехал в Италию, и проникает по новым,
По незримым путям золотое бельканто в меня.
Я живу в этом мареве гласных и звонких согласных,
Что становятся громче, когда упираются в порт.
О, Италия, как же ты любишь с тобой несогласных,
Этой странной любовью здесь камешек всякий истёрт.
Не печалься, Италия, твой сапожок пригодится
Для пришедших из моря с лихим вероломством сюда,
И тогда ты уж топнёшь ногой, и вспыхнешь, как царица,
И очами блеснёшь, провожая на гибель суда.
Если север и юг по ночам приближаются к югу,
Значит, карту составил географ, не будучи трезв.
Значит, он полагал невозможным движенье по кругу,
Если прямо идти, если молод, тщеславен и резв.
А Везувий да Этна теперь как супруги в разводе,
Потихоньку дымят, потихоньку бурлят о своём,
И молва растворяется в шумном прекрасном народе,
Что вулканы когда-то в согласии жили вдвоём.

* * *

Над Василием Блаженным
Небо к ночи цвет меняет.
Отблеск нежности мгновенной,
Для меня ли, для меня ли?
Быль важнее небылицы,
Новость всех важнее мире.
Вспоминаешь ли ты лица
Тех, с кем говоришь в эфире?
Эхо корчится от смеха,
Жизнь азартна, словно ралли,
Я уж с ярмарки уехал.
Обернуться не пора ли?

* * *

Смотри на проходящий мимо
Случайный поезд и мечтай,
что жизнь твоя неповторима.
Потом спроси горячий чай.
И проводница улыбнётся,
как будто ты ей брат родной.
А за окном Россия вьётся,
Твоя Россия, боже мой.
От экзистенции и скуки
Лекарства не изобрели.
Тоска то схватит, то отпустит,
Смотри её не разозли!
А разозлишь – так, значит, надо.
Тебе не с ней мыкаться всегда.
Все поезда пришли из ада?
Все поезда, все поезда.

* * *

Заводи винил
Песенной стихии.
Некого винить
В том, что мы такие.
Прошлого печать
Мне срывать не страшно.
Постараюсь встать
Вровень с днём вчерашним.
А потом слегка
На носки подняться,
Чтоб издалека
начал мир меняться.
Вот всё ближе он...
Самой крепкой связью
Связан с ним мой сон,
что вернулся явью.
Лампочки накал
Потускнел немного.
Я не отобрал
Этот мир у Бога.
Песенный винил
Напрочь стёр иголку.
Из последних сил
Жить придётся долго.
Некого спросить –
Стал священник птицей.
Всем, кто хочет пить,
Надо дать напиться.

* * *

Так изменилось всё, что слово
Бежит упрямо от строки.
Его я загоняю снова,
И снова это не с руки.

Необратимо слов кочевье,
Ты им не пастырь, не пастух.
Когда беснуются деревья,
В них говорит древесный дух.
А ты подумай, где лубочный
Застывший город прячет суть.
Ведь подавился ты любовью
Так глубоко, что не вздохнуть.
Пустынной местности насельник,
Ты расшифруешь всякий звук.
Но путь всегда лежит на север,
Когда тебя влечёт на юг.
В карман не лезешь за словами
Поскольку слов давно уж нет.
Они спешат, они не с нами,
Несут наш страх. Несут наш свет.
Все разошлись по снам и койкам,
Теряли больше, жгли дотла.
Ты просто жди. Не беспокойся!
Земля кругла и ночь светла.

* * *

Мне кажется, что люстры видят нас,
Особенно когда потухнут лампы.
Все наши непотребства и таланты
Не скрыть от их неразделённых глаз.
Мне кажется, что люстры слышат нас,
Когда мы замолкаем отрешённо,
Не в силах разрешить вопрос решённый,
Им жалко нас в сей безнадёжный час.
Мне кажется, что люстры помнят нас,
Особенно когда себя не помним,
От внутренних своих сгораем молний
И бьёмся головой в небес каркас.
Мне кажется, что люстры чувствуют нас,
Когда мы их разбили или сняли,

Они о стороне другой медали
Раздумывают всякий новый раз.
Мне кажется, что люстры любят нас,
Особенно когда мы зло и пьяно
Не любим их отъявленно и рьяно,
И гасим свет. И сновиденья в пляс
Пускаем там, где нас по именам
Никто не знает, и не надо нам
Ни объяснений, ни синиц в руке.
Остался только крюк на потолке.
Сюжетов нынче много на Руси!
Под потолком попробуй повиси.

* * *

Слова идут вразвалку, что матросы
По бесконечной палубе линкора.
Они меня покинули без спроса,
И, видимо, верну я их не скоро.
Понять их можно: надоело слушать,
Что нет глупее их и бесполезней,
Мне жалко их, но знаю, станет лучше
Им без меня и без моих болезней,
Без тщетной жажды славы, без истерик,
Без песни, где одна осталась нота,
И без привычки выходить на берег
И вдаль смотреть, высматривая что-то.

* * *

Хотел быть свободным как ветер,
Но ветер заперт в тюрьме.
Хотел быть влюбленным, как Вертер,
Но мысли слепнут во тьме.
Хотел рассказать, как долго
В баре играли джаз.

Но если не будет толку,
То нужен ли мой рассказ?
Хотел быть надёжным, как сейфы
В далёкой швейцарской земле.
Хотел быть беспечным, как селфи,
Но стрелка дрожит на нуле.
И жизнь, потерявшая скорость,
Бесцельно меняет окрас.
И Вертер взирает с укором
На ветер и джаз.
Глокает бесцельную скуку
Кустарник, косматый как бард.
Отрезали сердце и руку
И сдали в ломбард.

ВЛАДИМИР КОЗЕНЕЦ

* * *

В глубине небесного свода,
Алмазом чистой воды,
Светит звёздочка, недотрога.
Знак далекой, чужой судьбы.

Преломляясь в слоях атмосферы,
Ночным светлячком мерцает.
Как источник надежды и веры,
Который не угасает.

Все чаще мой взор стремится
Рассмотреть этот тайный знак.
Как будто мелькают лица,
Но чьи, не пойму никак.

Владимир Козенец — автор многих поэтических книг. Член Российского союза профессиональных литераторов. Соавтор энциклопедии «Охотничья Россия» (М, 2011). За подготовку и издание книги, в составе авторов, награждён Московской городской организацией Союза писателей России Дипломом и медалью им. Ивана Сергеевича Тургенева.

Нет среди них родного,
Любимого нет лица.
Хоть их промелькнуло много
И нет той цепи конца.

В глубине небесного свода,
Алмазом чистой воды,
Светит звёздочка, недотрога.
Знак далекой, чужой судьбы.

* * *

В предпоследний зимний вечер,
В час свидания с тобой
Вышла кошка нам навстречу,
Словно лях из старой Речи,
Преградила путь собой.

Мы испуганно застыли,
Зная силу суеверий,
Колдовство и «числа Зверя»,
И о всём, о всём забыли,
Приоткрыть боялись двери.

Но потом, взглянув друг другу
Испытующе в глаза,
Подгоняемые вьюгой,
Мы походкою упругой
Устремились в чудный зал.

Там в уютном уголке
Нас «Владимир» угощал
Стольным печевом в муке...
Глядя нежно по руке
Я Вам что-то обещал.

А потом, в конце свиданья,
Вы умчались, хлопнув дверцей.
А над площадью «таганьей»
Вширь и вдаль неслись «страдания»,
Отдаваясь боли в сердце!

* * *

В этот день хочу, чтоб над тобой
Было чистое безоблачное небо.
И обидной горькою слезой,
Чтобы взгляд твой затуманен не был.

Чтобы глаз любимых нежный свет
Согревали и тепло и ласка,
И на блеск его ему в ответ
Былью стала призрачная сказка.

Серенаду сердца пропоёт
Соловей тебе весною красной.
Словно птиц стремительный полёт
Станет жизнь привольной и прекрасной.

Ангел мой, с Днём Ангела тебя
От души, всем сердцем поздравляю,
И на радость, счастье –любя
В этот день тебя благословляю!

* * *

Венок цветов – судьбы сплетенье.
Ромашку белую и скромный клеверок
Венчал в степи кудрявый ветерок
На жизнь, любовь, на радость и терпенье.

Они короткий, но цветущий век
Делили вместе и тепло и влагу.
Он ей дарил и нежность и отвагу,
Она ему – улыбку из-под век.
И, взявшись за руки, тянулись к свету,
Отдав друг другу верные сердца
И жар души до самого конца,
И были верны данному обету.
Любовь моя, полёт мечты!
Ты в мыслях у меня, лишь ты!
Но если вдруг на сердце ляжет тень
В безрадостный дождливый день,
Ты вспомни те влюблённые цветы.

* * *

Вы прекрасны –
Но что мне до ваших красот,
Вы как чья-то мечта чужая.
Ни к чему мне глубины
небесных высот
И манящие прелести рая.
Мне не нужен Ваш взгляд,
Что тревожит сердца
И улыбка, что души пленяет.
Вы прекрасны – я рад,
Но молю я Творца:
Пусть от Вас он меня охраняет.

ЗОЯ ЛЕЗИНА

* * *

Сладкая моя Россия,
Пресвятая моя Русь.
«Меж берёз дожди косые» –
Помню, но не оглянусь.

Катится листва по склону,
Вкус рябины на губах.
Сладко-горькая Россия,
Что-то Бог тебе припас...

Ты недвижна и нетленна,
И к комфорту не спешишь,
По окраине Вселенной,
Как на саночках летишь.

Зоя Марковна Лезина – член Союза писателей, лауреат трёх международных конкурсов: конкурса имени Ришелье – «Бриллиантовый Дюк», 2017, Франкфурт – Рим; конкурса имени Ришелье – «Алмазный Дюк», 2017, Франкфурт – Одесса; конкурса российско-болгарского общества «Содружество», победитель в номинации «Поэзия».

Но однажды на рассвете
Дрёму жизни отряхнёшь,
И, забыв про всё на свете,
Снова крыльями взмахнёшь.

Бесконечную, святую,
Вековечную мою,
Не теряющую силы,
Я парящую люблю.

Той дарю свои святыни,
Что не дрогнет никогда,
Той, что льёт любовь поныне
Всем, в чей дом пришла беда...

* * *

Что ушло, не оглянулось,
Что ушло, то не придёт.
Белой птицей обернулось,
Лёгкой тенью у ворот.

Что пришло, со мной осталось,
Как причал у пустоты,
Кромкой света оказалось,
Яркой искоркой мечты.

Два крыла мои большие,
Две протянутых руки –
Все потери и святыни,
Мои слёзы у реки...

Эта помощь и отрада
Мне досталась навсегда –
Вечной доброты награда,
Путеводная звезда...

* * *

Лето прохладное, свет тополей,
Лето дождливое в жизни моей.
Как перламутром окутана даль,
Грозы смывают густую вуаль
И очищают, хотя бы на миг,
Всё, что уже ощущать я привык.

В каждой росинке и капле дождя
Мир отражён на излучине дня.
И серебрится река на заре,
Вновь ожидая дожди в сентябре.
Но загораются солнца огни,
И золотятся дождливые дни.

Каждой дождинкой чистейшего сна
Холит и нежит природа меня,
Дарит прохладную лёгкую синь,
Дарит нам жизнь, омывает полынь.
Так ощущение новой поры
Дарит нам жизнь на исходе игры.

* * *

Жизнь затаила дыхание,
Идёт то жара, то мороз,
Колоколов колыхание
И свет от весенних берёз...

А утром весёлая птица
Нам песню о счастье поёт,
Лучик восхода искрится,
Радуга к речке зовёт.

Живём, затаив дыхание,
И видим издалека
Яркой зарницы сияние,
Как жаркий огонь очага.

Дышит по-новому роца,
Выпьем мы день наш до дна,
Чтоб наполнилась новою мощью,
Светом и счастьем весна.

* * *

Лишь сейчас изменяется время –
Изменяются скорость и суть.
Лишь сегодня с тобой мы сумеем
Вглубь судьбы хоть на миг заглянуть.

Уже полнятся мудростью знаки,
Что сияют над нами в тиши,
И отброшены хитрые враки,
Что стояли на нашем пути.

Так великой судьбой нам завещано –
Не уйти, не отринуть, не скрыть,
Потому что прекрасная женщина
Краски миру должна возвратить.

Одарить всех великим сиянием,
Принести и любовь, и покой.
Подарить нам навеки признание
Счастья вечною нашей судьбой.

Принести всем великое чудо
Чистоты, красоты и огня,
Чтоб счастливые новые люди
Улыбнулись спокойствию дня.

* * *

Безбрежная дымка туманов рассветных,
Как вечная память сквозь муку из слёз,
И солнца восход в тишине безмятежной
К вершинам Везувия вновь нас принёс.

И снова улыбки друзей невозвратных,
И снова мелодии вечных святынь,
И стоны, и пепел, и лава, и камень,
И добрая память, как песня живых.

Сердца ощущают всё горе и муку,
И дрожь под ногами, огонь из глубин...
Но новая жизнь будет помнить разлуку
И полниться силой нашедших вдруг мир.

Их город затих, их огни догорели
И их гладиаторы с ними ушли.
Но страх, боль и холод погибшей Помпеи
Погасят пожар, что мы в сердце зажгли.

* * *

Снег, как чистый лист бумаги,
Ждал стихи, любви костёр,
Он заполнил все овраги,
Приглушил наш разговор.

Снег, как нотка в колыбели,
Где рождаются стихи.
Он как лёгкий звон капели,
Как хруст льдинки у реки.

Снег, как первое причастие,
Колокольный вечный звон,
Как забота и участие,
Как полночный тихий сон.

Снег укутал ветви сосен,
Нежно просится в строку,
И снежинкой вдаль уносит
Всё, что написать смогу...

ВАСИЛИЙ ЛОВЧИКОВ

В тисках ностальгии

Вдали от родимого тына,
Невольница воли чужой,
Грустит одиноко рябина
Средь пальм, подпирающих зной.
Не в радость земли плодородье
И вечного лета тепло,
Ей помнятся звон половодья,
В сугробах родное село,
Короткого лета объятья
И осени яркий наряд,
Когда её сёстры и братья
Багрянцем заката горят.
И, чуждый уклад не приемля,
Она с ним затеяла спор,
Одна с октября до апреля,
Как дома, роняет убор!
И преданно более века

Василий Ловчиков родился в Воронеже. Поэт, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, профессор Военного университета МО РФ, член-корреспондент Академии поэзии, действительный член Международной Академии духовного единства народов Мира.

Всё грезит Россией своей,
И холодом белого снега,
И стайкой родных снегирей...
Я сам был в тисках ностальгии,
Был узником боли и грёз,
И в трюме из милой России
Невольнице снега привёз!

28 февраля 1983

Пульс Земли

Пришла зима и жизнь сковала,
И злой холодной рукой
Веселья струны оборвала,
Окутав землю тишиной.
И белым саваном сверкая,
Молчат поля, река и лес,
И тучи, мрачно тень бросая,
Снегами падают с небес.
В оковах всё!.. Но нет – ручей
Бьёт лёд струёю непокорной,
И к блеску солнечных лучей
Стремится с песенкой задорной!
Напрасно бесится зима
И заковать его стремится!
Он пульс Земли! Земля сама
В нём сердцем пламенным стучится!

14 ноября 1957

Письмо из Чукотки

За твоим окошком – солнце и берёзы,
За моим – мрак ночи, тундра да снега,
И к окну в узорной росписи мороза

Часто из-за сопок мечется пурга.
Здесь полярной ночью в зимних буднях люди
Ждут, когда зарёю улыбнётся день;
И, явившись, солнце тундру вмиг разбудит,
На берёзку-крошку гриб набросит тень!
А когда последний лёд сойдёт с лимана,
Закипит охота нерпы на кету,
Принесут на гребнях волны океана
На причалы тундры в трюмах суету.
Пусть тревожит воздух тучей комариной,
Пусть не сразу сбросишь зимние унты!
Но весна напомним стаей журавлиной
Стороны далёкой близкие черты!
Знай, к берёзке милой, к дубу-великану
Я хочу вернуться, встретиться с тобой,
Но слова прощанья тундре и лиману
Вынужден промолвить новою весной.
Жди, когда украсит май сады цветами
И поля покроет шёлком зеленой,
Под берёзкой звонкой вместе с соловьями
Мы друг другу скажем о весне своей!

Анадырь, июнь 1962

Первый снегопад

С ветерком под ручку тучка подкатила,
Нитями по небу шлейф свой распустила.
Ветерок весёлый, как хмельной, гуляет,
Словно струны арфы, их перебирает.
И повис прозрачной лёгкой кисеёю
Светлый белоснежный полог над землёю.
Заплелися в нити вьющихся снежинок
Пестрота берёзок, седина осинок.
Величавый тополь яркою корою
В кисею вплетает зелень с сединою.
Изумрудом смотрят ёлки сквозь снежинки,

И горят багрянцем ягодки рябинки
Как с мольбою грешник тянет вверх ладони,
В небо тянут ветви тополя и клёны;
Будто, сбросив листья, умоляют Бога,
Чтоб скорее снегом их прикрыл немного!..
Щедрую хозяйкой тучка проплывает,
Деловито след свой всюду оставляет;
Чтоб, с гулякой-ветром скрывшись за горою,
Всё успеть укутать белой пеленою.

6 января 1980

Прощай, зима

Март на дворе, февраль уж отпуржил,
И по утрам сон гонишь веселее –
Свой ранний путь к подушкам проложил
Дневной рассвет, зарёю пламенея.
Река во льду, снег наледью блестит,
Ещё мороз господствует ночами;
А днём капель весёлая звенит
И вдаль бежит заборными ручьями.
Деревья спят, но их застывший строй
Навстречу солнцу тянется ветвями,
Чтоб, отогревшись вешней теплотой,
Проснуться и взглянуть зелёными глазами.
Несётся крик вернувшихся грачей,
И песнею друзей синица в гости кличет;
И, словно внемля ей, цепочка журавлей
На Родину спешит и радостно курлычет.
Прощай, прощай, Зима!
Прощай, суровый хлад!
Природа ждёт Весну, хозяйку пробужденья,
Чьей волею снега в потоках отшумят,
И вспыхнет яркой радугой цветенье!

22 марта 1980

Земное чудо

По выжженной земле бежит ручей,
Пустыню песней жизни беспокоя;
Припав к воде ворсинками корней,
Деревья кронами хранят его от зноя.
И там, где смертью всё венчает зной,
Два смертных существа, объединясь,
Живут, своей довольные судьбой,
В одно земное чудо превратясь.
В союзе их – успех, источник жизни всей;
А без него – невзгоды, даже смерть:
Не бросят кроны тень – и высохнет ручей,
А без воды и кронам не шуметь.
Вот и семья – крепка одной стезёй,
Когда вдвоём сквозь зной и лютость стуж:
Семья – судьба, согретая женой,
Которой крылья расправляет муж!

6 октября 1980

Летний дождь

Туча грозовая горизонт закрыла,
На разведку ветер впереди пустила.
Гром над косогором приготовил трубы,
За селом дубрава мрачно дует губы.
Журавлиной шеей сосны закружили,
Камыши с осокой в шёпоте ожили.
Пруд лицо наморщил, вглядываясь в тучи,
Затрясла косами ивушка на круче.
Молния сверкнула, гром с цепи сорвался,
Дождь косой вприпрыжку по степи помчался.
Хлынули потоки, в тесто пыль мешая,
Их овраги пили, жажду утоляя.
Мокрая прижалась ты ко мне под стогом,
Словно не считалась строгой недотрогой,

Ликовали струи, рокотали трубы,
Жарким поцелуем счастье пили губы.

4 ноября 1980

Бабье лето

Ягоды калины на кустах пылают,
С янтарём деревьев в разноцвет играют.
Под ногами рощи золота охапки
И грибов вальжных царственные шапки.
Солнечной улыбки золотые нити
Из-за светлой тучки тянутся к ракете;
Над ракетой ветер паутинки гонит,
Как смычком по струнам золотистым водит.
Но не льются звуки из-под паутинок,
Слышится лишь хохот трепетных осинок,
Да как ветер дышит в одноцветье бора,
И камыш колышет вдоль ручья-пробора...
В ярком парке дворник золото сгребает,
Как махорку, листья на костёр бросает.
И дымят на пару, перекур устроив,
Дворник – папиросой, а костёр – листвою.
Эти дым и солнце, этот праздник цвета...
Ах! Зачем всё это дарит бабье лето?
Если рвутся стаи вдаль, в края чужие,
Унося на крыльях муки ностальгии.

21 ноября 1980

Красота лесная

Ночью над землёю снегопад буянил,
Колесил по лесу, задремал в бурьяне.
И проснулись в шубах щеголихи-ёлки,
Спрятав от мороза пальчики-иголки.

За ночь и рябинки к стуже утепились –
В шапочки-снежинки дружно нарядились.
И глядит, сверкая, взгляды привлекая,
Из-под шуб и шапок красота лесная.
Лось спешил по снегу проложить дорогу,
Но застыл у ёлок, красоту потрогал,
И, стряхнув с них шубы, позабыв о беге,
Пробовал на зубы сочные побеги.
Снегири летели, на рябины сели –
Краснощёких модниц сверху углядели;
Но, налюбовавшись, шапки с них сбивали,
Не смущаясь, в щёки красные клевали.
И редели гроздьё ягодок-рябинок,
Осыпались хлопья шапочек-снежинок,
Чтоб, уснув в холодной пуховой постели,
Ждать сигнал подъёма ветра и метели.
Падали снежинки, радужно сверкали:
Красотой ожили, с блеском угасали.
Умирала с ними красота лесная –
На свою погибель взоры привлекая.

30 ноября 1980 года

Перед дождём

Ветер-забияка убежал с тропинки,
Прихватив с собою тучку и дождейки,
Лишь сумели ели охнуть за спиною,
Да сады успели прошуметь листвою.
Будто сбросив путы, ветер разгулялся:
То на луг, то в рощу, то к пруду метался;
Вслед шипели в гневе камыши змеёю,
Пруд, вскипев, плевался пенистой волною.
Непоседа-ветер в хутор устремился,
За густые кудри дуба уцепился;
Но гигант, проснувшись, так потрянул кудрями,
Что, сорвавшись, ветер загремел дверями.

Люди, всполошившись, двери позакрыли,
От дождя пожитки в хаты затащили,
И петух горластый, что в пыли купался,
От греха подальше на насест забрался.

8 ноября 1980 года

Ноябрьский дворик

Утром из-за леса холодом дохнуло;
Тучкой, словно шторкой, солнце запахнуло;
Покатились с тучки кубарем снежинки,
Чтоб украсить ёлки и прикрыть тропинки.
Валяются снежинки, в спешке суетятся,
На багрец рябины, словно пух, ложатся,
И горит рябина в опушеньи снега,
Как лицо девичье в украшеньи меха.
Двор накрыла осень праздничной скатёркой,
Воробьи забились под ребячьей горкой.
Голуби с вороной по двору гуляют,
Вязь следов на глади белой оставляют.
И пестреет дворик гладью и крестами,
Словно и взаправду – скатерть с кружевами!
Льётся марш из окон, дворник флаг повесил,
Стал ноябрьский дворик и красив, и весел!

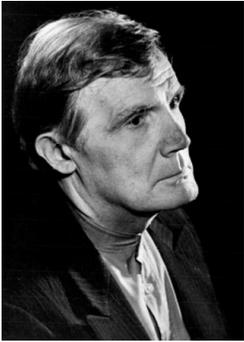
7 ноября 1980 года

Рассвет

Над городом раскинулся рассвет
Румяною, ликующей зарёй;
И рыжей кошкой лучезарный свет
Лениво потянулся над землёй.
А следом из-за кромки туч,
Внимательно считая этажи,

По городу скользнул чертёжник-луч,
Вычерчивая теней чертежи.
Примчался быстrokрылый ветерок
В раскрытых окнах шторы потрепать,
Потанцевать в афишах между строк
И головы аллеям расчесать.
Засеребрилась сонная река,
Целуя луч разбуженной волной,
И засверкала чёрная щека
Заботливо умытой мостовой.
Запели лифты, повторяя счёт;
Вдоль тротуаров транспорт заспешил;
По тротуарам зашагал народ –
Рассвет, как улей, город всполошил!

5 ноября 1980 года

СЕРГЕЙ МИНАСЯНЦ

Сиреневый сад

Вдоль ровной тропинки сирень
Цветёт по-весеннему ярко.
Нам нужен с тобой ещё день
Для встречи в сиреневом парке.

Под синей сиренью у нас
Большая любовь намечалась.
Порукою – цвет твоих глаз...
Но вдруг это счастье прервалось.

Забытая нами сирень
Цветёт над скамейкой, как прежде.
Но меркнет лиловая тень,
В цветах нет любви и надежды.

Мы жизнь бы наладить смогли
Без грусти и тяжких сомнений.
Нам нужен с тобой только миг
В тиши, у цветущей сирени.

Сергей Минасянц родился в Баку. Окончил Институт нефти и химии в г. Баку, аспирантуру института философии Академии наук СССР. Автор шести книг духовной поэзии. Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Награждён «Золотой Есенинской медалью». Живёт в Москве.

* * *

Обрывки полночного света...
Луна над карнизом соседним,
Как будто смещается ветром
И свет её в небе рассеян.
Мой путь под Луной я не знаю.
Пусть буду я просто с Россией.
В Ней даль для меня неземная,
И счастлив я жить Её синью.

ГЛАН ОНАНЯН

Командировка в запретную зону

(диптих)

1

Я билет компостирую,
Возле кассы стою,
После койку посылую
Коридорной сдаю,

Для казённой инстанции,
Словно крепость щита,
Проверяю квитанции,
Предписанья, счета,

В мире истин рассудочных
Время зримо течёт –
Из квартирных и суточных
Фабрикую отчёт,

Онанян Глан Арменакович — поэт, переводчик, публицист, критик, секретарь исполкома Международного сообщества писательских союзов, кандидат технических наук, доктор философских наук, член союзов писателей России, Грузии, Москвы. Лауреат Международных литературных премий имени Александра Фадеева и Георгия Леонидзе.

Отмечаю убытие –
Дата, подпись, печать, –
А надежды убитые
Ни к чему отмечать:

Задремал Проверяющий
На высоком посту...
Куролесят товарищи
На пути в пустоту,

Ухожу в мироздание
Сквозь густеющий смог –
Я земное задание
Отработал, как смог!

...Я ещё не представился
Ни в аду, ни в раю,
Я ещё не преставился,
Но на самом краю:

Замираю над пропастью –
Ни в раю, ни в аду –
В два прыжка, с рабской робостью,
Как туда я войду?

2

О, эта зона отчуждения,
Где глохнут песни и стихи,
О, эта зона очищения
От повседневной шелухи –

Командирован в эту зону я.
Где сущий ад, где райский сад,
Где стража демонов бессонная
Взорвала все пути назад...

Факир был пьян...

Факир был пьян – он выпил у раввина,
Перепилила женщину пила...
Но, ребе, как же так? Она невинна,
Она вина ни капли не пила!

Маркиз де Сад факирского застенка
Забыл в тот день о ловкости былой –
Так ни за грош погибла ассистентка,
Разделанная бешеной пилой:

Весь фокус в том, что фокусник нетрезвый –
О поношенье жанра, о позор! –
Не смог на сцене среди резвых лезвий
На деве сфокусировать свой взор!

Факир был пьян, и фокус не удался –
Манеж не без технических помех,
Но ведь о том никто не догадался,
И в балагане раздавался смех!

Так, ни сказав факиру ни словечка,
Погибла ритуальная овечка,
Виновны в том факир или раввин?
Нет, лишь коварный нрав церковных вин!

Пункт назначения

В конечном пункте назначения,
Где брезжит свет едва-едва,
Амбивалентны все значения
И невесомы все слова –

Пока нас жизнь, как сука ценная,
Питает веры молоком,
Паломник к пункту назначения
Лукавым лакомством влеком:

Там, в тупике, весна священная
В мазутном камуфляже шпал,
Там ни прощения, ни мщения,
Туда попал – совсем пропал,

Там предъявляют без смущения
И мудрый старец, и юнец,
Билет до пункта назначения –
Неважно, что в один конец,

Ведь в этом пункте назначения,
Где сломан поворотный круг,
Вот-вот закончатся мучения,
И оживёт твой старый друг...

Кокетка

Мне Смерть подмигнула:
«Не мучай блокнот –
И Жизнь промелькнула,
И Смерть промелькнёт –

Умрёшь в одиночку
Под хохот громил,
И стянется в точку
Твой крохотный мир:

Бесспорно, ты скоро
Отсюда туда
Уйдёшь без укора,
Без слёз, без следа!»

...Я душу макаю

В чернила ночей,
Во сне не смыкаю
Усталых очей,

За шаг до погоста
За стило берусь...
Наверное, просто
Я Смерти боюсь!

Сбегу без огласки,
Умывшись росой...
Что строишь мне глазки,
Старуха с косой?

Мне Смерть подмигнула...

Клоунов клон...

Вот Глана клан –
Клоунов клон:
Выходит, глянь,
Он на поклон,

Поклон земной
Вам от шута,
Ну, а со мной
Надежд тщета,

И утра рань,
И птиц привет,
И рынка брань,
И неба свет...

Уходит Глан –
Поклон земной!
(Стигматы ран
Со мной, со мной...)

Мой бедный Глан,
Пират пера,
Твой балаган
Закреть пора:

Уволь свой клан,
Сорви, старик,
Свой плащ-реглан,
И свой парик...

Ты лузер, Глан!

Три заповеди

Издrevле на святой Руси
Живую душу окружали
Три заповеди, три скрижали:
Не верь, не бойся, не проси!

Не верь, что человек не зверь,
Коварно хищный в зной и в стужу,
Не верь в отзывчивую душу,
Не верь в распахнутую дверь,

Не бойся, тайный страх круша,
С неволей вольно обращаться,
Не бойся с жизнью распрощаться –
Она не стоит и гроша,

О снисхожденьи не моли
И не прости о милосердьи,
Опасном, как ветров усердьи
Для парусника на мели...

Издrevле на святой Руси
Тюремной мудрости константа –
Три заповеди арестанта:
Не верь, не бойся, не проси!

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Айсберг

Посвящается Кокориной Елене

Как айсберг водами Гольфстрима,
Растоплен лаской я твоей.
И сердце ноет нестерпимо,
И бьётся с жаром всё сильнее.

Когда мой айсберг откололся?
В каких морях он дрейфовал?
С кем в бурных водах он боролся,
И чьи борта он разбивал?

Творенье Матушки-Природы,
Ему начертано судьбой
Встречать закаты и восходы
Лишь в синей толще ледяной.

Алексей Сазонов — член Российского Союза писателей. Автор двух сборников стихотворений; в настоящее время готовится к выходу третья книга «101 стихотворение про животных». Печатался в следующих сборниках: «Судьбы 100-летия», «Неопалимая Купина», «Берлин взят», «Большая книга лауреатов 2017 г.», а также в сборнике произведений номинантов национальных литературных премий «Поэт года» и «Писатель года» в номинации «Детская литература».

Но пред твоим очарованьем
Водою талой он истёк.
И слился с радостным журчаньем
С твоей водой в один поток.

Домик

Наволочь лиловая
Небо затянула,
Молния пунцовая
Среди туч сверкнула.

Стёкла зазвенели
От удара грома,
Старые качели
Скрипнули у дома.

Листья закружило
В чудном хороводе,
И собака взвыла
Нудно к непогоде.

«Закрывайте окна,
Вон уже как хлещет!»
Бабушке Матроне
Внуки не перечат.

«Как же там рассада?
Не зальёт ли грядку?
Знать, зажечь мне надо
Пред Христом лампадку».

ВЛАДА СНЕЖНИКОВА

М. Г. В.

Пусть нам никто никогда не ответит,
Что же готовит Судьба на пути.
Ваше Величество, сумрак столетий
Не помешает мне к Вам подойти.

Рухнут эпохи, пространства и тени.
Сбросьте не время свой шик и престиж.
Мы ведь надолго увязли в Оверни,
Вовсе не нас ждёт притворный Париж.

Вы подзабыты блистательным миром.
Пусть. Это вовсе не худший удел.
Трон занят ныне коварным вампиром,
Жадным до денег и ангельских тел.

Здесь под покровом уссонского замка
Дерзкое время замедлило бег.
Не прогоняйте меня, чужестранку,
Что попросилась в Ваш дом на ночлег.

Влада Снежникова родилась в Москве. Стихи начала писать с ранних лет. Считает, что поэзия — это история, рассказанная музыкой слова. А темы, выбранные поэтом, как разговор по душам, маленький театр автора и зрителя.

В тихой беседе с вином у камина
Мы проведём этот вечер вдвоём.
Вам моя речь не покажется длинной,
Я лишь немного знаю о Нём.

Вы расскажите про годы изгнания,
Горечь измены и сладость страстей,
Про бесконечные Ваши терзания
В хитросплетеньи эпох и властей.

После блаженного сна, на рассвете
Дальше помчит меня жизни тропа.
Ваше Величество, вы уж поверьте,
Сбудутся сны. C'est la vie. Pourquoi pas.

18–30.08.2006

Отповедь

Всё кончено, пойми, закрой плотнее двери,
Не нужно лишних слов, достойно уходи.
Изысканным речам я больше не поверю,
Что было, то прошло, осталось позади.

Я лишь тобой жила, одним тобой дышала,
Пустым казался мир, когда ты уходил.
Казалось, без тебя мне всей Вселенной мало,
А твой лукавый взгляд с ума меня сводил.

Всё было как в кино, но оборвалась плёнка,
Всё было как во сне, очнулась я теперь.
Я повела себя, как глупая девчонка,
Когда тебе сама... сама открыла дверь.

И ты в неё вошел... уверенно и ярко,
Как Цезарь в Рим входил в победные года.
Но грустно оттого, что триумфальной аркой
Вдруг стала для тебя ... а впрочем, ерунда.

Ты, видимо, решил, что я тебе подвластна,
Что ты меня в тот миг навеки покоришь,
Но в облаках орлом ты воспарил напрасно,
Ведь ты меня совсем не удовлетворишь.

Мне было нелегко. Переживала очень,
Не получив сполна желанных ласк и нег.
Я многого ждала, но под покровом ночи
Растаял весь твой шарм, как прошлогодний снег.

Нет ханжества во мне, нет для него причины.
И для меня любовь – не вздохи при луне.
Но знают все мои нормальные мужчины –
Я отдаюсь лишь тем, кто отдаётся мне.

Взаимность – для меня важнейшее из правил,
В постели тоже есть особый этикет,
Но ты ему не внял, ошибок не исправил,
И даже позабыл свой прежний пиетет.

Я верила, что ты прекрасным станешь мужем,
Что буду я тебе женой, а не рабой.
Но эгоизм пустой и даром мне не нужен,
Будь добр, уходя, возьми его с собой.

Оставим же слова, в них слишком мало прока,
Я ни о чём тебя не попрошу теперь.
Не брошу вслед тебе ни одного упрёка,
Вот только, уходя, закрой плотнее дверь.

27.01–03.02.2000

ИГОРЬ ТОГУНОВ

И. С. Т.

С перил срываясь в ров с медведями,
Летишь, не ведая куда,
Но, несомненно, за победами
Литературного труда.
А что за буквами, за фразами –
Быть может, истина судьбы,
Которой наделён помазанник
Всего лишь в шаге от беды?
Прости, помилуй, боже праведный,
Сомнений непорочный дух...
Невольный человек правильный
Летит, как тополиный пух.
Где неприкрытая решительность
Великих слов, достойных дел?
Соратник тешится язвительно –
Де Сад уместно подоспел.
Одна любовь ласкает, грешная,
Инсценировкой неземной,
А в тишине водица вешняя
Журчит за вечный упокой.

Игорь Алексеевич Тогунов родился в 1947 году в Петропавловске-Камчатском. Учился в Баку и Астрахани. Доктор медицинских наук. Автор шести поэтических сборников. Проживает во Владимире.

МИХАИЛ ЧЕРДЫНЦЕВ

Опыт исследования русской прозы

Туман, пожелтевший от возраста поезд –
Вот так начинается русская повесть:
Ночные пунктиром над полем огни,
Чужая жена и попутчик – одни.
В купе разговор, но все мелочи быта
За тонкой стеною вагона забыты.

Поэзия **Михаила Чердынцева**, публикуемая в журналах и газетах второй половины XX века и первой четверти нового XXI, а также постоянные выходы авторских книг в отечестве и за рубежом, определили его независимое и отдельное положение в современном литературном процессе, как основателя и лидера русского ритмического минимализма или образного малословия.

При этом лексический и музыкальный повтор слов и фраз, сдвиг смысла в сторону возникающего поэтического бытия, оригинальная графика, всё стремится к постижению мира в поиске путём кружения слов над изображением. Автор, понятийно, открыв необычные пути для создания условий художественного познания, создает в творчестве иную, неизвестную художественную реальность. Его слог и приёмы расширяют внутренние творческие возможности, при поэтическом осмыслении движения событий современного мира.

Ныне поиски Михаила Чердынцева в поэзии движутся по пути визуализации. Его стихи превращают возникающий стихотворный образ из плоского изображения реальности бытия, происходящей вокруг, в многомерный осязаемый художественный объект.

О чем разговор? Как всегда, об искусстве:
О Фолкнере, Вагнере, Джойсе и Прусте...
Толстом, Достоевском, о зле и добре,
О русском характере и о Петре.
Привычно ругать современность особо,
Когда Вы вдвоём с молодой особой.

О, вечная тайна ночного вагона,
Здесь каждый способен затмить Цицерона,
К утру наша пара обычно «на ты»;
Былое забыто, сгорели мосты
В душе с ощущением лёгкой тревоги,
Но думает каждый о «дальней дороге».

Над дальней дорогой бесстрастно звезда
Горит и, куда бы ни шли поезда,
В России свободного времени много...
И, кажется, что бесконечна дорога,
Судьба прямо в руки даёт жизни нить –
Есть время подумать и все изменить.

Такой в нас во всех непоседа живёт,
Мы к худшему любим менять всё, и вот:
Конфликт обозначился, шлют телеграммы,
В любви признаются, душевные травмы –
Им надо быть вместе, а иначе нет...
Но тут появляется снова билет

На поезд. И в нас поселяется скука:
В любви, как известно, смертельна разлука.
Вчерашнее было уже далеко,
И снова сложить все уже нелегко.
И вот, позабыв про житейскую пошлость,
Сквозь время и повесть проносится поезд.

Читатель мне скажет: «все это не ново».
«Не ново», – скажу я, – но русское слово
Таинственно любит встречаться в пути,

Чтоб дать нам понять: «от судьбы и уйти
Возможно. Стоп – краны есть в каждом вагоне,
И повесть прервётся на жадном перроне».

Но дальней дорогой цыганка поманит,
А разум поверит и сердце обманет,
И, освободившись от мелочных пут,
Так сладко однажды отправиться в путь.
Как будто бы заново взять и родиться,
И вовсе не знать, что же завтра случится.

Страну всю считать своим собственным домом:
Спускать корабли и выстраивать домны,
Считать все сегодня, без всяких потом,
За грубо сколоченным гордо столом.
И в жарких газетных столбцах нонпарели
Читать о себе, проводить параллели.

Когда ты не связан столетнею прозой,
легки переезды, приятны обозы.
Под лампой ночью в вагонном окне
Над книгою спать, улыбаясь во сне.
И думать, что жизнь состоит из дорог
И выдуман не для тебя эпилог.

Однако вернёмся к последней странице,
Где надо за все расплатиться сторицей.
Где кончится повесть и тронется поезд,
Закончится совесть, появится подлость,
И правду торжественно сменит обман...

Но тут начинается русский роман.

СЕРГЕЙ ЧЕРНОГЛАЗКИН

Тургеневские девушки России

Тургеневские девушки России!
Среди моей сегодняшней страны
Вы с нами, затаённо-непростые,
Своей несовременностью нужны,

Своей душой, своим очарованием,
В котором нет стержневых пошлых нот.
И каждый в вас – как в тайнах мироздания –
Прекрасное и светлое найдёт.

Идёте вы столетием текущим –
Столетием горячечных «мобил» –
Но будто в тех, благословенных куцах
Садовых нег, балконов и перил,

Раскрытых книг и долгих разговоров
Из философий, канувших, как сон –
Идёте вы – таким живым укором
И оправданием спешности времён.

Черноглазкин Сергей Юрьевич, 54 года, проживает в г. Москве. Автор книг стихов и других публикаций. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов.

Южнорусское лето

И трепетность, и сладость бытия,
И чувственность просторов южнорусских –
Всё это доля светлая моя,
Какие б жизнь ни выдала нагрузки.
Под Солнцем золочёный перелив –
Томительной любви непостоянством –
Таких прекрасных, жарких, спелых нив –
Как чистый шёлк классических романсов.
Померкнет вот ночей разлитых тушь
И властвует во всей волшебной силе
Неторопливо-солнечная глушь
Медово-ослепительной России –
Медово-ослепительной поры
Раздумчиво-тургеневского лета
Горящей многоцветьем стороны –
Всем многоцветьем солнечного цвета.

Моё письмо Тургеневу

Иван Сергеевич! Умолкла Ваша лира.
От нас Вы в невозможном далеке,
Но, русские, всё так же с целым миром
Мы говорим на Вашем языке.

Иван Сергеевич! Мы знаем Вас со школы
И помним, совершая жизни круг –
И нашей речи чистые глаголы
Сверкают, как росой Бежин луг.

Россия – нет, не растворилась дымом,
Хоть нет уже давно дворянских гнёзд –
Она осталась прежнею, старинной,
Под сенью тех же сосен и берёз.

И мы, как прежде, водим хороводы,
Сплетясь душой в тенётах соцсетей,
И русский свет нам освещает годы
Столетий электронных скоростей.

Иван Сергеевич! Мы все – отцы и дети,
Хорь и Калиныч – тоже, как один
Храним России вечные секреты,
Её мечты и горести храним.

И даже если тяготы «достанут»,
И лишнее промолвим невзначай –
Коротким вздохом по парижским тайнам
Мы выразим орловскую печаль.

Мы выразим щемящее, родное,
Чем дорожим, чем бодрствуем, грешим,
Чем зреет, словно поле золотое,
Романсовая искренность души.

Пора заканчивать. Прощайте. Этот низкий
Простите мне мой набежавший стих –
Я им в анналы Вашей переписки
Один добавлю колоритный штрих.

Россия, Бежин луг

Ах, Бежин луг – строка из детства,
Сказанье убежавших лет,
Времён тургеневских наследство,
Весенней жизни первоцвет.

Вокруг – природное, родное –
И тишина, и голоса,
И, словно сказочность, ночное,
Где снов громадами – леса...

Где тихое костра шуршанье
Да плеск нахлынувшей волны,
И уху – сладостные тайны
От коноводов записных.

Дурманит ночь бескрайней далью,
Как откровеньями души,
Ещё нетронутой печалью –
Да и к чему бы тут спешить?

Не стоит нам прощаться с детством,
С манящим светом костерка,
И с чудесами по соседству,
Где лес, и кони, и река,

И всё, к чему стремится сердце,
Не вмиг рождённое, не вдруг –
Тысячелетнее наследство –
Россия, счастье, Бежин луг.

ВАЛЕНТИНА ШЛЫГИНА

Души полёт!..

Души полёт границ не знает,
Навстречу ветру он летает,
Навстречу к солнцу он летит,
И жизнь бежит, бежит, бежит...
И не страшны невзгоды жизни,
Когда в душе прекрасны мысли,
Когда душа всегда поёт,
Не страшен ей любой полёт!..
С душой широкой, как река,
Вся жизнь плывёт, как облака...
Как солнце, озаряет небеса
Тепло души, её краса!..
И каждый день, как сон, мелькает,
Улыбку солнцем освещает!
И нет проблем от всех невзгод,
Когда души такой полёт!

Валентина Александровна Шлыгина окончила Ленинградский институт текстильной и лёгкой промышленности (сейчас институт технологии и дизайна). Специальность — инженер-технолог швейного производства, модельер-конструктор, дизайнер. Увлекается фотографией, любит природу, часто воспевает её в стихах. Особенно волнует тема мамы. Издала четыре книги стихов: «Зимняя вишня», «Зимняя вишня» — стихи, «Сердцу дорого», «Над миром царствует любовь».

Годы...

Когда тебе двадцать –
Ты так молод и весел,
Когда тебе двадцать –
Жить не можешь без песен...
Когда тебе тридцать –
Ты силён, так могуч!..
Когда тебе тридцать –
Мысль летит выше туч!..
Когда тебе сорок –
Ты такой молодец!
Когда тебе сорок –
Ты двум деткам отец!
Когда тебе сорок –
Ты молод, не стар,
Когда тебе сорок –
Ты любимый гусар!..
И взглянуть не успеешь,
Как уже пятьдесят!
Ты не сможешь поверить,
Что полвека блестят...
А дороги всё манят,
А дороги зовут...
Каждый день зовёт снова
В неизведанный путь!..
Пусть седые виски,
Не беда, ну и что ж,
Зато молодо сердце,
И его ты поймёшь!
Что ж так годы проходят,
И дни просто летят,
Не успел оглянуться,
А уже шестьдесят!!!
Но не надо тревожиться,
И не надо хандрить –
Будем жить, сколько сложится,
Сколько сможем прожить!!!

Лето на исходе...

Снова лето на исходе –
Грусть стучится у дверей.
Для цветения природы
Так осталось мало дней.
Стали дни уже короче
И прохладней стала ночь,
И роса, как хмурый зодчий,
На траве поспать не прочь.
Но под солнцем, просыпаясь,
Слёзы высохнут травы.
Будет лето, улыбаясь,
Переходной ждать поры.
Взбудоражится природа,
Будет ветер, солнце, дождь.
Лето стерпит все невзгоды –
Станет Осень теперь «вождь».
Зачаруют хороводы,
И румянцем благодать.
Так зелёный шлейф природы
Будет золотом сверкать!

Тайна для двоих...

Есть тайна между нами,
Она лишь для двоих:
Как всплеск между волнами
Взметнулись страсти вмиг.
Поднимется, как гребень,
Сминая все пути –
О страсть, о страсть, как небыль,
С ума как не сойти!
Как мощных два магнита
Стремятся на пути,
Уносят на край света,
С любовью не шути!
А сердце, словно птица,

Стрелой взлетает ввысь.
И мчится колесница
Любви двоих, как жизнь!..
Как сильно сердце бьётся,
Оно сильнее огня!
Звезда вдруг улыбнётся,
Секреты все храня...
Внезапно ослабеет
Горячая рука,
И тело всё немеет –
До новых звёзд, пока, пока...

Сказочная ночь... (Звёздное мгновение)

Такая сказочная ночь
Укрыла землю звёздной шалью.
Она колдует, чтоб помочь
Расстаться с грустью и печалью.
Ведь волшебство царит вокруг,
И звёзды – будто на ладони!
Здесь оживляет мысли Юг,
И грусть рассеется в агонии.
Луна понежиться не прочь,
Где море ласково, игриво.
Святая, бархатная ночь
Встревожит сердце очень мило.
А звёзды смотрят все в упор,
И даже лист не шелохнётся.
Немая тишина и тайна спящих гор –
Лишь стук от сердца раздаётся...
Душа раскроется в тиши,
И шёпот волн, как сновиденье...
И как бальзам израненной душе,
Нам звёзды шлют благословенье.
Нельзя понять нам звёздный мир,
Лишь любоваться с восхищением!
То волшебство, душевный пир
Приносит звёздное мгновение...

2

проза

МАРГАРИТА АЗАРОВА

Двадцать один грамм моего Барсика

Как известно, совсем неизвестно, существует ли душа. Так же как неизвестно, есть ли Бог, если ты не дёргал его за бороду. Но человек – существо любопытное: как это – жить и не узнать, кто ты или что ты. Хотя в первую очередь надо согласиться с Ф. Энгельсом: «Жизнь есть способ существования белковых тел...»

Значит, человек – белковое тело. Верно? Верно. Те, кто верит в существование души, решили её измерить и измеряют до сих пор. Один такой естествоиспытатель старательно намерил 21 грамм души. Ровно на такой вес менялось тело здравствующего и усопшего человека в его экспериментах. У других учёных получались иные цифры. Но, ратуя за то, что теория относительности расставит всё по местам: «В мире нет абсолютных вещей – всё существует относительно объекта восприятия. Для кого-то стакан наполовину полон, а для кого-то наполовину пуст», значит, что к одному и тому

Маргарита Азарова — московская поэтесса, член Союза писателей России, с молодых ногтей живёт стихами. Рифма, словно заклинатель, вызывает на волю слова, а слова ищут друг друга и создают свой особый ритм. Это магическое действие может происходить и день, и ночь напролёт. Но она не может и не хочет сказать заклинателю: «Хватит». Потому что в этом всё её существо, её счастье. А затем стихи выходят в люди и становятся песнями, или разбредаются, для того чтобы лечь на бумагу прозой.

же событию все относятся по-разному. И я представляю себе место на небесах, куда я помещаю моего кота Барсика или его душу, или его биоплазменную оболочку, – неважно, но он сейчас там... И что бы я ни сказала, этого будет мало для выражения чувств. Чувств, не вмещающихся в 21 грамм; и ни в какие другие измерения не вмещаются мои чувства ответной любви, преданности моему Барсику – обыкновенному животному, жизнь которого так зависела от моих граммов души. Которые до сих пор прошиты не рубцующимися ранами его слёз.

Земные души бродят по небу в поисках тех, кто им был дорог при жизни. Их можно называть душами, потому что их тело, как и душа, выглядят прозрачными. Если вам на ум пришло какое-то другое название таких субстанций, то милости прошу, зовите, как хотите. Если этим небесным бродяжкам можно отказать в брэнном теле, то вот в эмоциях и чувствах ну никак нельзя. Чувствуют они всё так же сильно, как и на земле, единственно, понимая, что никак не могут повлиять своими чувствами буквально ни на что. Но они не унывают – не добившись принятой на земле ответной реакции, не получив её извне, за ночь забывают об этом, а утром начинают всё сначала. Они не хотят, чтобы жизнь на небе потеряла всякий смысл. Некоторые наиболее памятьливые начинают грустить, и у них начинается небесная депрессия, но невозможность повторно умереть возвращает их в прежнее состояние, и они возобновляют свои эмоциональные попытки.

Многие хотят пережить снова время, когда они были счастливы, и бродят в поисках человека и места, способных вернуть их хотя бы мысленно туда, куда нет возврата.

Я верю – Герасим воссоединился со своей Муму. И никто уже не посмеет запретить ему любить её. А ей – вилять хвостиком в знак своей преданности. Над ними нет властной барыни, которая запретит ей лаять, а ему кормить её и чесать за ухом.

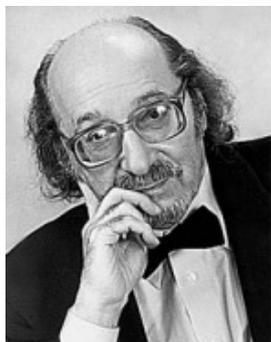
Закоулки памяти бывают очень просторными. Они могут вместить всю жизнь. Барсик скрёб лапой чёрную золу вокруг себя. Он скрёб и скрёб – в прошлый раз это помогло. Она пришла за ним, взяла на руки и они опять были вместе. Ведь когда он был слепым котёнком, она кормила его из соски молоком. Она сказала, что подобрала его, когда ему было две недели. Он спал на её груди, и ему было

тепло и хорошо, как бывает тепло и хорошо котят, обласканным мамой-кошкой. Потом, когда он подрос, он стал её защитником. А кто она – она девочка-школьница начальных классов, которую учат читать и писать... Но ещё она познаёт мир, она учится любить близких, но у неё не очень хорошо получается. И она, как Герасим, привязывается к животному, потому что только его душевное тепло согревает её душу. Она любит его до отчаяния, до слёз. Как если бы в её годы случилось материнство. И вот он, – котёнок, а потом красивый кот, – всё время с ней, как часть тела, без которой, казалось, ей не жить. Взрослые заняты своей взрослой жизнью, и она, эта взрослая жизнь, касается жизни девочки только атрибутами внешнего проявления заботы о ребёнке. Девочка предоставлена сама себе и не чувствует себя одинокой только со своим игривым, забавным, ласковым, пушистым другом.

Но горе сваливается на несчастного ребёнка внезапно. Людям свойственно переезжать с места на место. Но на этом новом месте почему-то нет места для кота девочки. Его тайком уносят от неё. Она мечется, ищет, ищет и наконец находит его. Радости девочки и её любимого друга нет предела. Казалось бы, всё закончилось хорошо. Но взрослые добиваются своего. И опять посадив его в сумку (а она случайно видит, как уносят её сокровище, встречается с ним взглядом, и он, до этого бившийся в сумке, замирает и смотрит ей в глаза тоскующим, прощальным взглядом), уносят Барсика от неё. Она плачет и плачет, но никому нет дела до её слёз. Никто не понимает, да и не может её понять. Ведь это всего лишь кот – игрушка для девочки. Кот, которого можно бесцеремонно забрать и вычеркнуть из её жизни, но не из памяти...

Много лет она не знала покоя и плакала о своём друге. Плакала тайком в подушку, боясь осуждения... Время шло, но ничего не менялось. Тоска и отчаяние не покидали её. Некоторое успокоение принесло известие, что её Барсик убежал из того места, где ему было плохо, и, верно, живёт своей вольной кошачьей жизнью. Так хотя бы душа девочки перестала терзаться по любимому существу. Но прошло ещё время, и девочка стала взрослой, и люди сказали ей, что её кот просто тихо умер без неё. Он отказался от еды, и спрятавшись туда, откуда его нельзя было достать, ждал свою девочку до последней своей минуты.

Учёные пытались посчитать, сколько весит душа животного. Но не смогли. Помните: «В мире нет абсолютных вещей – всё существует относительно объекта восприятия»? Я не думаю, что его душа меньше моей. Она, может, даже больше. Но кто это поймёт? Лишь тот, кто умеет любить и быть преданным тому, кого любишь. Я уже никогда не смогу быть счастливой без него, моего Барсика, и двадцати одного грамма его души.

ЮРИЙ БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Мозаика жизни Ивана Тургенева

Рассказывать биографию великого писателя (всё же великого!), наверное, не имеет смысла. Основные этапы его жизни и литературных писаний проходят в школе. Остаётся лишь напомнить конкретные факты.

Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября (9 ноября) 1818 года. Мать – не блиставшая красотой и засидевшаяся в девицах богатая помещица Варвара Петровна Лутовинова. Отец – гусарский офицер Сергей Николаевич Тургенев, здоровяк, красавец, которого влекли охота, карты и девицы. Но в доме всем заправляла матушка, женщина волевая и деспотичная. Она-то и сформировала и деформировала характер будущего писателя.

Дальше не рассказываем, а даём отдельные штрихи, некие камешки из тургеневской мозаики – может быть, некоторые из них неизвестны вам. Итак:

Юрий Безелянский – писатель, культуролог, журналист. Окончил Плевчановскую Академию. 15 лет работал на радио обозревателем и редактором в отделе вещания на страны Латинской Америки.

Ведёт исторические рубрики в газетах и журналах «Вечерняя Москва», «Наука и жизнь», «Огонёк», «Работница»; авторскую программу «Академия любви» на телевидении. Долгие годы публиковал в журнале «Наука и жизнь» литературно-исторический календарь.

Автор более двух десятков книг на историческую тематику, энциклопедического характера, биографий. Обладатель премии Союза журналистов Российской Федерации (2002) в номинации «Профессиональное мастерство».

«В детстве он получил пёстрое и обрывочное образование» (из лекции Набокова о Тургеневе).

С разрешения министра народного просвещения Уварова 14-летний Тургенев был допущен к экзаменам в Московский университет и сдал их блестяще (в тот год из 167 абитуриентов было принято лишь 25).

19-летним юношей Тургеневу пришлось пережить смертельную опасность во время пожара на пароходе. Молодой, сильный, здоровый, он настолько утратил всякое подобие мужества, со слезами умоляя спасти его, что даже мать, когда до неё дошли слухи о том, как он держался во время катастрофы, упрекала его за трусость.

Служил в министерстве внутренних дел с лета 1843 до весны 1845 года.

В России Иван Сергеевич жил в родовом имении в селе Спасском, в «возлюбленном Мценском уезде». Камердинер писателя Захар Балашов вспоминал: «А вон на той скамейке... частенько в прежнее время, когда Иван Сергеевич подолгу в Спасском проживали, сиживали гости: Панаев, Некрасов, Григорович, Полонский, Шеншин – они же Фет... Граф Лев Николаевич тоже бывало наезжали...» «По вечерам мы собирались в диванной и кто-нибудь из нас громко читал новую статью из толстых журналов, присылаемых из Москвы и Петербурга. Вечер проходил иногда в беседе, приправляемой оживлённым спором», – так описывал проведённые у Тургенева дни Дмитрий Григорович.

Во Франции, в Буживале, у Тургенева гостили Мопассан, Генри Джеймс, Сен-Санс, Верещагин, Салтыков-Щедрин... Тургенев дружил с Мериме, Флобером.

В центре Парижа, на улице Риволи, дом 210, висит мемориальная доска, извещающая, что здесь с 1860 по 1864 год жил Тургенев со своей дочерью Полиной.

Тургенев был замечательным шахматистом и хорошо играл на бильярде.

Всем известна картина Крамского «Неизвестная», но мало кто знает, что на ней изображена конкретная женщина – Александра Альбединская, урождённая княгиня Долгоорукая. Ею был увлечён Тургенев, и она впоследствии стала прототипом Ирины в романе «Дым».

В 1869 году, когда Тургеневу было 50 лет, петербургская газета «Русская жизнь» задала писателю несколько вопросов. На один из них:

«Ваша любимая добродетель?» – Тургенев ответил: «Правдивость». В 1880 году, когда писателю было 62 года, на этот же вопрос он ответил: «Молодость». На вопрос: «Как вы представляете себе счастье?» – был дан ответ: «Отличное здоровье» (в 1869 году) и «Ничего не делать» (1880). «Где бы вы предпочли жить?» – «Там, откуда я могу свободно уехать, когда захочу» (1869) и «Там, где никогда не бывает холодно» (1880). «Отличительная черта вашего характера?» На этот вопрос в 50 и 62 года Иван Сергеевич ответил одинаково: «Лень».

Медальон с вензелем «И. Т.» и фотографией Полины Тургенев носил на груди до самой смерти.

Мозг Тургенева оказался одним из самых тяжёлых (2012 г) среди знаменитых людей мира.

Тургеневские женщины

Но хватит о печальном. Поговорим о другом. И не о книгах Тургенева, отметим лишь одно: «Записки охотника» стали первым произведением русской прозы, которое приобрело широкий резонанс на Западе. Книги Тургенева мы читали сами, и даже книги о его книгах. Поговорим лучше о женщинах, тем более что укоренилось даже такое понятие: «тургеневские женщины».

Виктор Шкловский однажды в сердцах сказал: «Женщину я не стану описывать. Она описана Тургеневым, а он описывал их подробно, как имение». Добавим: а если и лаконично, то как ёмко! К примеру, одна из тургеневских женщин, Одинцова: «Вся чистая и холодная, в чистом и душистом белье». Все его Маши («Вешние воды»), Натальи («Рудин»), Лизы («Дворянское гнездо») – действительно удивительно чистые и душистые создания.

Владимир Набоков слегка язвил: «Тургеневские девушки обычно резво вскакивают с постелей, облачаются в кринолины, обрызгивают лицо холодной водой и свежие, как розы, выпархивают в сад, где и происходят неизбежные встречи под сенью беседок».

Где ныне обитают тургеневские девушки? Где эти уютные тенистые беседки? Где бывшие дворянские усадьбы? Где вообще всё? В какие революционные тартарары всё провалилось?.. Но это так, исключительно риторические вопросы.

Женщины в жизни самого Ивана Сергеевича – особая тема. Удивительная любовь-привязанность длиною в 40 лет к Полине Виардо. Краткая страстная вспышка к Марии Савиной. Не хочу повторяться: об этом подробно в моей книге «Вера, Надежда, Любовь...», – в главах о Виардо и Савиной. Были и другие любви и любовные интрижки, уж такой уродился Иван Сергеевич – чувственный и влюбчивый. («Мягкий, безвольный, фатоватый Тургенев», – писал о нём Вересаев.) Некоторые исследователи утверждают, что Тургенев любил не только Полину Виардо, но и её дочь Клоди – когда та выросла, разумеется. В Национальной библиотеке Франции хранятся письма Тургенева и Клоди, и в них тайна отношений писателя и дочери Виардо. Более того, дочь Клоди, мадам Мопуаль, отличалась поразительным внешним сходством с Иваном Сергеевичем.

В наше с вами скандальное время принято срывать одежды с великих и радостно потирать руки: смотрите, и они тоже! Развратники, пьяницы и т. д. Не обошли стороной и Тургенева.

Лично меня больше привлекает анализ Юлия Айхенвальда, который говорит, что Тургенев, будучи поклонником Пушкина, «никак не мог повторить за ним этого мудрого, и ясного, и благородного: «Простимся дружно, о юность лёгкая моя!» Как наказание постигла его старость, и он уныло её сознавал. Не умел быть старым. И не хотел он победить в себе всякую зависть и это понятное, но не мужественное сожаление о розах, которые были так хороши и свежи, о всех этих девушках, которые цветут не для него...».

А розы действительно хороши и свежи что вчера, что сегодня...

Болезнь и смерть

Вспоминая пожар на корабле, Тургенев говорил: «Смерть мне заглянула тогда в лицо и заметила меня». С этим взглядом мнительный писатель и прожил оставшуюся жизнь. «Я решительно становлюсь старой посудиною для подагры», – писал 54-летний Тургенев Клоди Виардо. В 1882 году его стали беспокоить боли в спине. Знаменитый французский врач-невропатолог Жан-Мартен Шарко поставил диагноз: *nevralgie cardial-gique gouteuse* (сердечная подагрическая невралгия). Но это была не невралгия и не грудная жаба, а саркома

спинного мозга, что обнаружилось при вскрытии тела. Иван Сергеевич страдал тяжело, не помогал даже морфий, хотя он и пытался порой шутить: «Оказывается, что можно жить, не будучи в состоянии ни стоять, ни ходить, ни ездить... Живут же так устрицы. Я нахожу даже, что ничего, устрицей быть недурно».

22 августа (3 сентября) 1883 года стало последним днём жизни Ивана Сергеевича. Умиравший, он бредил по-французски, а потом неожиданно сказал по-русски: «Прощайте, мои милые, мои белесоватые...» «*Qu'est-ce qu'il dit, qu'est-ce qu'il dit?*» (Что он говорит, что он говорит?) – вопрошали французы, окружившие смертное ложе русского классика. Тургенев не дожил всего двух месяцев до 65 лет.

Отпевали Ивана Сергеевича в Париже, в русской церкви на улице Дарю, а потом гроб с его телом повезли на родину. «Таких похорон ещё не бывало в России, да едва ли будет, – писал публицист Виктор Гаевский в своём дневнике. – Замечательное отсутствие всякой официальности: ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация, видимо, была напугана. На кладбище послано было, независимо от полиции, 500 казаков, а на дворах домов и в казармах по пути шествия находились войска, в походной форме. Думал ли бедный Тургенев, самый миролюбивый из людей, что он будет так страшен по смерти!»

У останков Тургенева всё русское общество в целом осознало несправедливость своих упреков в том, что он «недостаточно служит отечеству», находясь всё время за рубежом, не говоря уже о том, что вовремя не воздало ему почестей. В России всегда так: признание заслуг приходит лишь посмертно.

ИННА ДЁМИНА

«ОСКАР» ПАРКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Зарядье

В канун Дня независимости России погода была терпимая, без дождя и +17 °С. В этом году лето в Москве ещё не наступило, холодно и часто дождливо. Воспользовавшись слегка тёплым днём, решила выйти погулять, поехать в «Зарядье», познакомиться с новым парком, первый раз в котором я оказалась в новогоднюю ночь на 2018-й год. Приехавшие ко мне на новогодние праздники гости (где-то я прочитала: «Как надо любить человека, чтобы взять к нему и приехать», так это и был тот самый случай у меня, спасибо судьбе), гости уговорили меня отправиться с ними в новогоднюю ночь погулять по празднично иллюминированной Москве, в том числе познакомиться

Дёмина Инна Владимировна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. Список научных трудов насчитывает 50 наименований. Лектор общества «Знание» СССР. Освобождённый депутат районного совета Москвы. 2 года — народный заседатель. Куратор программы «Театр» регионального общественного фонда «Светоч». Ветеран труда. Сегодня — на пенсии. Поёт в хоре ветеранов войны и труда. Танцует в танцевальной студии. Освоила новую профессию хореографа. Член общества «Дети войны». Награждена медалью «70 лет Великой Победы». Занимаюсь писательской деятельностью. Издала 5 литературно-художественных книг. Член Союза писателей России.

с парком «Зарядье», который открыли полгода назад. О чём я не знала. Выехали в 19 часов, вернулись к 24 часам, успев к поздравлению президента и бою курантов.

На удивление, у меня хватило сил пять часов бродить по Москве. Возможно, потому, что Москва была поистине великолепна! Мои удовольствия и радость фонтанировали! Вся Москва сияла огнями. Вдруг стало почти темно. Мне говорят: «Мы входим в парк». Много людей, много деревьев, какой-то лес, террасы, то поднимаемся, то спускаемся, то впереди какая-то гора – греческий амфитеатр под огромной крышей. Сидений очень много, почти все заняты. Оказывается, под самой крышей работала обогревательная система. Вокруг холодно, а под крышей амфитеатра тепло. Потому гуляющие никуда не торопились, сидели в тепле, жевали, пели, смеялись, веселились, резвились. Здесь превалировала молодёжь. С высоты этой горы прекрасно просматривался брызжащий разноцветием центр Москвы. В итоге кроме потрясающей новогодней иллюминации окружающей парк Москвы ничего особенного в парке тогда не увидела. Не поняла, что за парк. Чуть позже подумалось: придёт лето, познакомлюсь с парком пристальнее.

Но тут в моих делах возник поэтический турнир. В положении о турнире наряду с другими позициями прописано требование – представить стихотворение о Москве, которого у меня нет. Так напишу о парке, решаю я.

И вот я в парке. Первого майского моего визита для знакомства с ним оказалось недостаточно. Работали лишь эмоции, охала и ахала. А эмоции, как известно, советчики не очень объективные. Потребовалась вторая экскурсия в парк, чтобы понять, что здесь наколдовано, на этих семнадцати гектарах?

Много всего! Например, «Парящий мост». Сооружённый в виде буквы V, двумя точками крепясь на набережной Москвы-реки, длиною... И тут стоит сделать остановку. Разные источники, а таковых я прочла три, называли разную длину моста. Поскольку в моей поэме о мосте я называю эту цифру, мне нужно было самой убедиться и измерить длину моста. Что я и сделала во время вскоре представившейся мне экскурсии по Москве с заездом в парк «Зарядье». Мой шаг 60 см. Я прошагала по мосту и просчитала количество моих шагов. Получилось 250 метров. Так вот, «Парящий мост» длиною в 250 метров, неподвижно прикрепленный лишь с одной стороны, висит

над Москвой-рекой и набережной. Созерцание Москвы с нависающего над водой конца моста просто потрясает. Кажется, тебя что-то подняло в небо, и ты летишь, ничем не защищённый и без крыльев!

Я боюсь высоты. Думала, будет страшно. Ничего подобного не ощутила! Может, потому, что весь мост был в людях! На «носу» моста отдыхающие сконцентрировались так, что стояли плотно друг к другу, плечом к плечу. Какой восторг потряс пространство, когда вдруг неожиданно на мосту разлилась живая фортепианная музыка!

Чуть позже я случайно оказалась при разговоре нескольких отдыхающих:

– Что это за мост? Какой это мост? Начало есть, конца нет, – высказывали общающиеся свою оценку как осуждение, как крайнюю меру недовольствия. И мне вспомнилась утончённо-изысканная шутка: «В круге нет ни начала, ни конца, но и в квадрате нет ничего хорошего!» Тончайшая игра ажура высказанной кем-то мысли перекликается с оценкой обывателями парящего моста! Столь тонкая мыслительная игра человеческого интеллекта меня пленяет, волнует и восхищает!

Вторая моя экскурсия по парку совпала с открытием Чемпионата мира по футболу. В парке бесчисленное множество москвичей, российских гостей, футбольных болельщиков-фанатов из-за рубежа. Я трудно разбираюсь вот в чём: единицу с каким количеством нулей составляет та или иная людская масса, чтобы назвать хотя бы приблизительно какое-то число! И всегда поражаюсь, как некоторые легко определяют количество, когда говорят: «На митинге было две тысячи человек», «на встрече присутствовало около шестисот пятидесяти человек» и т. д. В парке было очень много посетителей! После двух часов гуляния поняла, что это – передний край мирового уровня обустройства общественного пространства для отдыха под открытым небом одновременно молодёжи, семейных пар с разновозрастными детьми, людей в возрасте!» Интересно было и мне, человеку почтенных лет. И таких, как я, встречалось немало. Очень понравилось место, обустроенное для детей разных возрастов. Это не игровая и не спортивная площадка, а что это такое, нужно посмотреть самому.

Высокая гора, увиденная мною в новогоднюю ночь, оказалась огромным амфитеатром на две тысячи и более мест, с прозрачной стеной с одной только стороны и парящей над зрительскими рядами хрустально-искрящейся крышей. Воздвигнутый чудо-зал со всех сторон открывает прекрасную панораму московского центра! С трёх

сторон амфитеатр обрамляют зелёные насаждения, кустарники, цветы, газоны, на которых сидят, отдыхают посетители. Подогрев сверху и щедрый полив создают тропический климат, и растительность яркостью и пышностью соответствует созданным условиям. Интерьер-экстерьер этого «греческого» амфитеатра достоин всяческих превосходных степеней!

Моё восторженное восприятие парка происходило во время знакомства с ним в мае-июне 2018. Всё цвело, всё благоухало! 12 же августа подростковая, только ещё набирающая свою силу парковая зелень убавила своё буйство, подувяли разнообразие и яркость цветовой гаммы, что пленяло в мае. Фактически двухлетний от роду парк сразу почувствовал приближение климатической осени. Плюс миллионное нашествие человечества, обусловленное проведением в Москве чемпионата мира. Страдают газоны. Ведь на парк обрушилось настоящее паломничество международного человечества! Надо понимать, парк ещё ребенок, он нуждается в заботе и внимании человека. Ему ещё не по силам выдержать нашествие. Какое-то время парк нужно щадить, опекать, холить и лелеять!

Далее я забрела в подземный музей «История Зарядья». Всё как и должно быть в такого рода музеях, но в одном месте уж слишком оживлённо. Подхожу к толпе. Оказывается, каждый желающий может примерить на себя доспехи ратника. Здорово! Один, уже облачённый, право же, готовый рыцарь, держал себя в доспехах как победитель! Захотелось и мне примерить на себя костюм рыцаря! Надели на голову шлем, от тяжести которого голова качнулась вбок. По моей внутренней сути пробежало удивление. Поднесли кольчугу и приложили к плечам. Я так и села, придавленная грузом. Тут же подсказали: кольчуга весит 40 кг. Согласилась на нарукавники, они лишь по 1,5 кг. каждый. Всё это совершалось в сплошном хохоте окружающих меня любопытных. Прекрасный момент, резюмировала я.

Созерцая полнейшую необычность открывшегося мне результата творения международного содружества талантливых специалистов-дизайнеров открытого пространства, в памяти стали возникать видения разнообразных парков, с какими мне выпало познакомиться в моих зарубежных путешествиях. И творческий процесс, вызванный желанием ввязаться в конкурс-турнир, пошёл! Буду писать о московском парке «Зарядье», используя принцип сравнения и сопоставления со всеми остальными, мне известными зарубежными парками.

И тут же родился набросок будущего стихотворения, оттачиванием которого занялась лишь по возвращении из Санкт-Петербурга. Что ни говори, раньше писать «Ленинград» было куда приятней, чем сейчас выводить длинное, да ещё двойное слово.

После энного количества правок стихотворение обрело всё более достойную содержания форму. Хотя ритм остаётся всё ещё спотыкающимся.

«Оскар» парковой архитектуры Зарядье

Парки Версаля – размах и безбрежность,
К фонтану Латоны прикован мой взгляд.
Однако рельефность скучна, она плоская.
В остальном парк прекрасен, – все говорят.

Гауди сотворил парк Гуэль в Барселоне,
Цветы и деревья – на каменных стеблях, столбах.
Гуляй, отдыхающий, лавочек каменных много,
В парке испанском – камня размах!

Австрийский Шенбрунн – в роскошных оттенках,
Но скромный ландшафтом, он тоже неплох!
И вот по соседству с Кремлём парк «Зарядье»,
Он ещё отрок, но, право же, ОХ!

Нет аналогов тому, что здесь я вижу,
На всём играет яркий творчества талант!
Поклон создателям-творцам мой низкий,
Виват, московский «Оскар»-парк, виват!

Из семнадцати гектаров
Вышло чудо из чудес:
По соседству с Красной площадью
Раскинул кроны лес,
А чуть дальше белы лилии

В озерцах расцвели
 На триста, может, больше метров
 Над рекой мост возвели.

Тот мост не прост, он – чудо света:
 О землю оперся лишь раз,
 Он летит, он воспаряет,
 К себе влечёт. Он покоряет!

Тот мост, действительно, не прост,
 Одной ногой он в землю врос,
 Другая – в воздухе, атак!
 На мосту – рояль, Мацуев,
 И льётся музыка для нас,
 Для души моей, для глаз!

Моя Москва, ты стала ещё краше!
 Моя Москва, ты сердце моё, наше!
 Песни мои и оды – все тебе,
 Какое счастье, я живу в Москве!

26 июня 2018

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА

Анна Семёновна

Вчера перед сном Дима смотрел иностранный фильм из разряда тех, о которых раньше объявлялось: «Только для взрослых». Показывали любовную пару, женщина в которой была много старше мужчины и очень опытна в сексе. Дима и раньше слышал, что женщины в возрасте тридцати и старше лет в сексе интереснее молодых, и ему захотелось иметь такую любовницу.

Копейкина Нелли (Найля Гумяровна) — автор романов, рассказов и новелл для взрослых, сказок и рассказов для детей, стихов для взрослых и детей, прозаических и стихотворных сценариев.

Член МГО Союза писателей России; член Российского Союза писателей; член Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов; член региональной общественной организации «Клуб писателей» ЦДЛ; Резидент Национального агентства по печати и СМИ «Русский литературный центр»; действительный член Академии российской литературы.

Литературным творчеством занимается с детства, но писала всегда «в стол». С 2011 года появились первые публикации сценариев Н. Г. Копейкиной в интернете, сказки её постоянно публикуются на детском сайте в рубрике «Добрые сказки». Первые книжные издания Н. Г. Копейкиной вышли в 2013 году.

Главным в своём творчестве Н. Г. Копейкина считает детские произведения.

По серии своих детских сказок под названием «Сказочные приключения» Н. Г. Копейкина написала сценарии для постановки спектаклей, принятых в работу российскими театрами.

Автор слов более ста песенок, сочинённых к спектаклям.

Анна Семёновна сразу привлекла его внимание. Она была из числа «классных» дам: причёска, одежда, обувь, сумка, запах духов – всё было классным. И не молодая. Это как раз то, что сейчас ему больше всего нравилось.

Он сел рядом с ней и широко расставил колени, так, что их ноги коснулись. Анна Семёновна, казалось, не заметила этого, он же с волнением ощущал прикосновение её ноги. Объявили его станцию. Анна Семёновна встала и пошла к выходу. «Удача! – обрадовался он. – Наверное, это даже судьба. Вот если сейчас она пойдёт в сторону первого вагона, точно судьба». Она пошла в сторону первого вагона! В переходе было два выхода, но здесь Дима был готов идти за ней в любую сторону, она же пошла в ту, куда надо было идти и ему.

Дальше их пути тоже совпали. Они ехали в одном автобусе. Она вышла на второй остановке, ему следовало выйти на следующей, но он вышел следом за ней. Ещё в автобусе он продумал, что скажет ей, и он сказал:

– Могу я Вас проводить?

Похоже, его слова не произвели на неё особого впечатления, как-то уж очень буднично она ответила:

– Можете, если нам по пути.

Он шёл рядом и придумывал, что бы ещё сказать ей, но как-то всё, что придумал в автобусе, вылетело из головы. Молча перешли дорогу. Поравнявшись с продуктовым магазином, Анна Семёновна остановилась.

– Спасибо, считайте, что Вы меня проводили, я живу в этом доме, – она указала на ближайший дом, – а мне ещё надо забежать в магазин. До свидания.

– До свидания, – единственное, что нашёлся ответить Дима. Он уже было поплёлся дальше, но внутренний голос остановил его. «Подожду ещё, – решил он, – в этом доме живёт Пашка, если отошлёт, заскочу к нему, давно собирался». И Дима стал ждать.

Выйдя из магазина с пакетом, набитым продуктами, Анна Семёновна увидела Диму и удивилась:

– Вы ждёте меня?

– Да, я уж Вас провожу до конца. Давайте я помогу, я ведь тоже иду в этот дом к другу... Пашке Хлебникову, он живёт в первом подъезде, – для убедительности добавил Дима.

Анна Семёновна загадочно улыбнулась.

– Мой однокурсник. Мы с ним учимся на юрфаке.

– Прекрасно, нам по пути, – всё так же улыбаясь, ответила Анна Семёновна.

«Хочет пригласить к себе», – ободрился Дима и вступил в атаку:

– Давайте знакомиться, я – Дмитрий.

Она взглянула на него игриво.

– Уличное знакомство! Как это романтично! Никогда ещё не знакомилась на улице. – И, как бы спохватившись, добавила: – Анна Семёновна.

– Очень приятно, – отозвался Дима. Ему действительно было приятно. Её улыбку, игривый тон, восклицание о романтике он принял за её кокетство и приглашение продолжить разговор, и он решил блеснуть красноречием, которым так славился среди друзей.

– Нет, Анна Семёновна, знакомство на улице – это отнюдь не романтика, а скорее наоборот. Мне очень не хотелось бы огорчать Вас, но реальность такова, что романтичным сейчас считается знакомство на какой-нибудь встрече, презентации или на концерте Лучано Паваротти. Теперь романтика имеет другое лицо...

И он понёс чушь, любуясь сам собою. На подходе к первому подъезду он спохватился: пора заруливаться.

– Но я согласен с Вами, уличное знакомство имеет свои прелести.

Анна Семёновна пустила в лифт, даже не поинтересовавшись, на какой ему нужно этаж. Дима обрадовался – клюнула! Она молча направилась к двери своей квартиры, кивком головы приглашая его за собой. Дима ликовал – приглашает! Анна Семёновна отперла дверь и, мило улыбаясь, пригласила:

– Входите, Дмитрий.

Он вошёл.

– Заходите, – указала она рукой в сторону прикрытой двери, а сама взяла у него пакет с продуктами и прошла на кухню.

В глубоком волнении Дима открыл дверь и шагнул в комнату. Боковым зрением он уловил какое-то движение. «Кто-то в комнате!» – испугался он. Но это попросту развевалась тюлевая штора. И всё же кто-то есть! Дима увидел на диване спящего человека! Мужчину! От неожиданности, волнения и испуга не сразу Дима узнал в спящем мужчине однокурсника Пашку.

РОБЕРТ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Досмотр

– Слушай и запоминай, Пепперино, потому что больше ты этого нигде не услышишь, – говорил мне капитан Сальгейро, пробираясь между тюками с хлопком, расставленными на причале номер три. – Преступники бывают нескольких сортов. Запомни их все, парень, и научисься прилично работать.

Он машинально оцупал тюк, показавшийся ему легче других, и двинулся дальше.

– Низкорослые люди, как правило, обидчивы и недоброжелательны к шутникам. Их очень просто поддеть, если подшутить над ними. А ещё – предложить им пари, они легко на это клюнут. Люди постарше терпеть не могут перекрестного допроса: у них слабее реакция, им нужно больше времени для раздумья, когда врут.

Капитан посмотрел вдоль причала, вдаль, где грузился белый «Доминик», дым от которого уходил по ветру, в сторону моря.

– Запомни, Пепперино, небритые – те не выносят очной ставки. И вообще, болезненно реагируют, когда их припирают фактами. Лысые, – имей в виду, не те, что острижены налысо, а те, у кого волосы выпали сами, – они, как правило, чувствительны к физической боли и больше других опасаются случайно порезаться или удариться.

Нижегородцев Роберт Михайлович – член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, автор трёх сборников стихов: «Четыре четверти» (1989), «Я знаю» (2001), «Тридцать третье сентября» (2017).

Капитан из-под руки взглянул на солнце – оно у нас в январе самое жаркое – и продолжал:

– Люди грузные, толстые – те ненавидят обыск, особенно когда ты долго копаешься в их шмотках. Это против них самое верное средство, когда хочешь вывести их из терпения. А тех, кто говорит по-английски, – тех вообще надо сразу вешать, всех без изъятия, – он пнул мешок с пенькой и по-хозяйски оглядел профиль «Доминика», на борт которого медленно, словно нехотя, грузились ленивые пассажиры.

В это время я заметил человека в белой шляпе с широкими полями, неторопливо приближавшегося к сектору причала, где происходила посадка. Человек был мешковатый коротышка с плохо выбритой квадратной челюстью. Он поставил на землю тяжёлый чемодан, который нёс в слегка отставленной в сторону правой руке, приподнял шляпу, левой рукой залез в карман широких парусиновых штанов и, достав платок, вытер капли пота, стекавшие по гладкой, немного загорелой лысине. Этого человека я видел впервые, но готов был поклясться, что он иностранец; впрочем, в наших краях иностранцы не редкость. Но этот настолько странно соединял в своём облике все типы преступников, о которых только что сказал капитан Сальгейро, что я невольно остановился, раздумывая, какое из упомянутых капитаном действий следует предпринять. Меня вывел из задумчивости резкий голос капитана:

– Вы на «Доминик»?

– Йес, сэ, – сказал иностранец и протянул капитану билет, из которого следовало, что он уезжает этим рейсом.

– Позвольте ваш багаж, – сказал я. – Произведём досмотр.

Мы досматривали всех потенциальных пассажиров «Доминика», сознавая, что один из них может быть преступником, объявленным в розыск федеральной полицией, а этого субъекта вообще видели впервые, и с тем бóльшим усердием я рылся в его вещах, наблюдая, как он постепенно теряет терпение.

Мимо нас рысью пронёсся молодой человек высокого роста и атлетического сложения в больших туристических ботинках с лёгким кожаным чемоданчиком, какие носят бизнесмены и прочие люди, у которых достаточно денег, чтобы высоко ценить своё время. Капитан остановил его и протянул удостоверение.

– Досмотр.

– Снова что-нибудь ищите? – атлет растянул губы в улыбке и обнажил ряд верхних зубов.

– Такая работа, – равнодушно сказал капитан, раскрывая его кожаный чемоданчик. – Кто-то теряет, кто-то находит.

Тем временем иностранец присел на корточки, низко наклонив голову в белой шляпе и всем своим видом показывая, что помогает мне скорее разобраться в его вещах. Наконец, оба досмотра были окончены, и мы нехотя пожелали пассажирам счастливого пути.

Когда мы отошли от места, где потрошили вещи, примерно шагов двадцать, капитан сказал, что я зря привязался к иностранцу, он наверняка не тот, кто нам нужен.

– Видишь ли, задача преступника не в том, чтобы получше спрятать украденные золотые пластины – это не так уж трудно – а в том, чтобы скорее (пока никто не напал на его след) добраться в Санта-Крус, где его наверняка уже ждут сообщники. Так вот, чтобы добраться туда через нашу глушь, откуда рейс на Санта-Крус всего раз в двое суток, надо обладать изрядным чувством юмора. Согласись, что твой англичанин на это не способен.

Я согласился и заметил, что до отплытия осталось всего несколько минут, а англичанин ещё сидит на корточках на причале и роется в своём чемодане.

– Странно, – хмыкнул Сальгейро. – Это мне не нравится.

Мы повернули обратно, и в этот момент англичанин выпрямился, достал из кармана рубашки наручные часы на чёрном ремешке и уставился на них, как будто видел их впервые. В ту же минуту на палубе «Доминика» раздались крики и поднялась возня. Мне показалось, что среди всеобщей суматохи кто-то крикнул: «Пожар!». Началась паника, у сходней возникла небольшая давка, – благо, пассажиров было не очень много.

Следующее, что я увидел, была стремительно бегущая по направлению к нам фигура рослого молодого человека, которого я мысленно прозвал атлетом. Англичанин бросился ему наперерез, в два прыжка поравнялся с ним, жёсткой подсечкой сбил его с ног и припечатал к земле, всем телом навалившись на него.

Ещё через мгновение к ним подоспели трое невесть откуда взявшихся людей, – один был в костюме стюарда, – и на руках сидящего на земле атлета щёлкнули наручники. Пожар на судне оказался ложной тревогой, и пассажиры, успевшие выпрыгнуть на причал, медленно потянулись обратно.

Увидев наше приближение, англичанин протянул капитану удостоверение:

– Инспектор Джеймс Вулридж.

– Что вы здесь делаете? – спросил капитан.

– Всё просто, джентльмены, – сказал англичанин, садясь на корточки и доставая из кармана брюк маленький складной ножик. – Этого парня ищет полиция трёх стран, не считая вашей. Наши люди идут по его следам от самого Джексонвилла.

С этими словами он надрезал высокую резиновую подошву на левом ботинке атлета и, заметив внутри подошвы блеснувшее золото, показал его и повернулся к нам:

– Джентльмены, это не то, что вам нужно?

– Чистая работа, – улыбнулся капитан и протянул руку инспектору.

Заметьте, сеньоры: это сказал сам капитан Сальгейро, а второго такого сыщика вы не найдёте, обойдите хоть весь Фуэдад-Риварес!

ИРИНА ПОКРОВСКАЯ

ИСКУССТВО ОБЩЕНИЯ

Любовь – самое эффективное средство общения

Если быть рядом, но не общаться, любовь не возникнет. Общение развивает любовь. Жизнь без любви, без общения – это смерть. Любить – значит общаться. В жизни должна быть любовь. Конечно, речь идёт о духовной любви. Духовной любви нет, если мы из-за телесного сознания смотрим на недостатки друг друга. Если же мы в сознании души и заботимся лишь о том, чтобы устранить собственные недостатки, если мы задались целью сделать свой характер первоклассным и становимся сладкими, дарителями счастья, то у нас много любви друг к другу и нам легко общаться с каждым. Нужно поставить цель: стать добродетельным и помогать другим становиться добродетельными.

Ирина Николаевна Покровская – генеральный директор ООО «Поиск-Аудит».

Член-корреспондент Международной академии интеграции науки и бизнеса. Уделяет много внимания собственному духовному развитию. Координатор программ по бизнесу Центра духовного развития (Москва).

Её творчество связано с практическими аспектами духовности. Автор серии книг «Духовность в жизни делового человека».

В настоящее время продолжает работать и писать.

Больше всего добродетелей у нашего Всевышнего Отца. Переимать нужно Его добродетели, и тогда можно жить с любовью друг к другу. Вы любите Бога? Если кого-то любишь, то как скажет он, так скажете и вы. Любовь – это значит сделать привычки схожими. И наоборот: сама любовь тоже основана на схожести привычек. Если привычки не схожие, то сколько ни старайся сделать так, чтобы они полюбили друг друга, – не полюбят. Любовь живет там, где есть мудрость, знание и понимание собственной природы, Бога, духовных законов.

Притча «Любовь и мудрость»

Давным-давно на Земле был остров, на котором жили духовные ценности. Однажды остров начал уходить под воду. Все сели на свои корабли и уплыли. На острове осталась лишь Любовь. Она ждала до последнего. Но когда надежды не осталось, она попросилась на корабль к Богатству. Богатство ответило:

– Мой корабль перегружен золотом. Для тебя нет места.

Любовь попросилась на корабль к Грусти, но грусть ответила:

– Извини, но я люблю быть одна.

Любовь попросилась на корабль к Радости, но та веселилась вовсю и не услышала голоса Любви. Вдруг кто-то позвал её:

– Пойдём, Любовь, я возьму тебя с собой.

Это была Мудрость.

– Мудрость, – спросила Любовь, – почему ты решила меня спасти?

– Потому что только я понимаю, как важна в жизни Любовь.

Из-за телесного сознания любви друг к другу не осталось. Любовь – метод обретения сознания души. Сейчас мы смотрим иногда друг на друга таким взглядом... и не спрашивайте. Поэтому и общение такое: ссоры, конфликты, ненависть. Сегодня, общаясь, мы приносим друг другу больше страданий, чем любви.

Любить несмотря ни на что – в этом суть искусства общения. Не следует рассказывать друг другу о чьих-либо недостатках, потому что это значит разносить микробы болезни. Если есть какие-нибудь микробы, то сразу же, дав какое-нибудь сильное лекарство, их унич-

тожают. Если кто-нибудь спросит: «Тот-то и тот-то – какой он?» – пусть из сердца раздастся: «Очень хороший!»

Чувства ко всем должны быть добрыми. И они будут такими, если осознать, что никто из нас, конечно, не похож на другого. Нет двух одинаковых личностей. У каждого своя предопределённая роль. «Этот – такой, он сказал так-то и то-то...» Надо оставить, забыть все эти вещи. От всех этих вещей нет никакой пользы, это пустая трата времени. Нужно учиться дарить всем любовь. Оставьте недостатки и вносите в жизнь добродетели. Мы любим других благодаря собственным добродетелям.

Притча «Бездонный сосуд любви»

Мальчик тяжело болел. Много дней просидела мать у его кровати, моля Бога о помощи. В одну из самых тяжёлых ночей послышался шелест крыльев ангела смерти.

– Не забирай моего сына! – воскликнула мать. – Мой мальчик ещё не вырос и не познал самого главного – любви.

– На небесах он встретит всё лучшее, что есть на Земле, – прошелестел ангел.

– Но что он принесёт с собой?! Позволь ему собрать хотя бы несколько капель любви, и я отпущу его на небо! – взмолилась мать.

– Хорошо. Пусть будет так, как ты просишь. Когда он наполнит этот напёрсток каплями любви, я прилечу за ним снова, – произнёс ангел и положил перед матерью золотой напёрсток.

Когда мальчик выздоровел, мать всё рассказала сыну и попросила:

– Помни, сынок, о нашем уговоре и не торопись любить.

Но разве сердцу прикажешь? Сердце мальчика умело любить, и он щедро отдавал этот дар близким. Мать с тревогой ждала момента, когда напёрсток наполнится.

Прошли годы, сын стал взрослым. Он любил свою семью, свою работу и друзей. Он с нежностью заботился о матери и отце, а напёрсток так и не наполнился.

Мать снова увидела ангела смерти, только когда сама поднялась на небо.

– Ты перехитрила меня, мать, – засмеялся ангел. – Ни один сосуд не вмещает в себя больше своего объёма, но сосуд любви – бездонный.

Никогда никого не оскорбляйте. Даже если вас кто-то оскорбляет, вы мысленно подарите такой душе любовь. Возможно ли это? Возможно, если есть самоуважение. Конечно, у каждого из нас есть тот или иной недостаток. Есть и такие недостатки, что нам самим этого не понять. Другие понимают: у этого есть такой-то недостаток. Некоторые считают себя очень хорошим, но иногда такое говорят... не понимая, что за этими словами стоят их слабости. Проверьте себя: сколько у меня любви к Богу? Сколько любви к Богу, столько же у вас любви к другим.

Мысленно как можно больше восхваляйте Всевышнего Отца. Отец даёт благословение в форме силы любви. Есть любовь – можно преодолеть всё и даже растопить камни.

Даже если о вас говорят неправильные вещи, сохраняйте спокойствие. К душе, устойчивой в состоянии самоуважения, не может прийти чувство обиды. В нынешние времена из-за гнева дело только портится, а благодаря духовной любви и покою даже испорченное исправляется.

Если есть Истинная любовь к Отцу, вы естественным образом получаете любовь от всех. Погрузитесь в любовь Бога – и слабости исчезнут. В жизни будет много любви, если делать всё с любовью и жить с любовью.

Семья, в которой есть любовь, будет всегда здорова, жить в достатке, без проблем. Любовь даёт гарантированное ощущение победы в каждом действии.

Любите всех, положив конец всем остальным чувствам и мотивам. Если находиться в телесном сознании, появляются самые разные чувства: кто-то покажется вам хорошим, кто-то плохим. Если же смотреть на других как на души, то появится духовная любовь. Если есть духовный взгляд, духовное отношение, духовные чувства, то, вступая в контакт со всеми, вы будете в высшей степени отрешённым и любящим. Практикуйте: «Я – душа». Тогда естественно любишь всех.

Находить хорошее в себе и способность всегда видеть хорошее в других – это любовь.

Притча «Лучшие звуки Земли»

Однажды ангелы решили наполнить райские сады лучшими звуками земной музыки. Полетели они на Землю. Сначала ангелы собрали все чудесные звуки природы: пение птиц, журчание ручья, жужжание пчел, дуновение ветерка, плеск волн. Потом они собрали прекрасные звуки музыки, которые были сыграны людьми на разных музыкальных инструментах.

Когда музыка прозвучала в райских садах, ангелы расстроились. В её чарующих звуках не хватало небесной сладости.

– Земная музыка не подходит для небесных садов, как бы прекрасна она ни была! – воскликнул один ангел.

– Пусть фея Музыки скажет, чего недостает земной музыке, – предложил другой ангел, и все согласились с ним.

Фея Музыки долго слушала музыку, собранную ангелами, и наконец сказала:

– Вы забыли про любовь. Никакая земная музыка не может сравниться по сладости с биением любящего сердца.

Тогда добавили ангелы стук любящего сердца в свою музыку. С тех пор в сердце каждого, кто слышит эту музыку, загорается волшебное пламя любви.

Кто отрешён, тот и есть самый любимый. Сколько отрешённости, столько и любви. Отрешённые и любимые всеми получают поддержку от Бога.

Важно правильно понять, что такое отрешённость. Признак настоящей отрешённости – это ощущение любви Бога. А чем больше любви, тем больше вы будете оставаться вместе с Ним, вы не будете разлучаться. Это и называется любовью – всегда быть вместе. Раз Отец с вами, отдайте весь груз Ему и станьте лёгким. Это и есть способ стать разрушителем привязанности. Важно понять слово «всегда». Оставаясь отрешённым всегда, вы сможете всегда ощущать общество Бога.

Отрешённость – это не обособленность, не устранённость, не отсутствие всякой связи и интереса к окружающим. Отрешённость означает не позволять негативности проявляться во взаимоотношениях, ситуациях, во мне самом. Отрешённость даёт возможность проявить самого себя таким, каким я являюсь. Ведь внутри себя я

– это сама любовь. Когда душа любящая и отрешённая – она всегда позитивна.

Мы ищем любовь во внешнем мире, тогда как на самом деле она живёт в душе каждого. Мы часто ограничиваем любовь потребностями и зависимостью, хотя в действительности она является безусловной и распространяется на всех. Переосмыслите своё понимание любви, и вы сможете стать любящим по отношению ко всем.

Ещё важно понять, какой вред общению наносит тот, у кого внутри одно, а снаружи другое. У такого нет истины. Когда мы одинаковы внутри и снаружи, тогда нечего скрывать, не нужно подавлять никаких мыслей. Истинность: такой будет говорить лишь о том, что делает, и говорить о том, что думает. Без притворства. Даже если в уме просто возникает какая-то мысль, в ней тоже должны быть истинность и чистосердечность. Признак того, кто истинен – он будет любим всеми. Господь доволен теми, кто истинен. Настоящий бриллиант не может остаться незамеченным. Кто близок к Богу, тот близок ко всем.

Итак, если я истинен, я любим всеми, и все хотят общаться со мной.

Притча «Ты не сказал о любви»

Один мудрец попал на небеса.

– Как прожил ты свою жизнь? – спросил его ангел.

– Я искал истину, – ответил мудрец.

– Это хорошо! – похвалил мудреца ангел. – А что ты делал, чтобы найти истину?

– Я знал, что мудрость, накопленная людьми, записана в книгах, и много читал, – сказал мудрец, и ангел улыбнулся.

– Небесную мудрость передаёт людям религия. Я изучал святые книги и ходил в храмы, – сказал мудрец.

Улыбка ангела стала ещё светлее.

– Я много путешествовал в поисках истины, – продолжал мудрец, и ангел благосклонно кивнул головой.

– Я любил беседовать и спорить с другими мудрецами. В наших спорах рождалась истина, – добавил мудрец, и ангел снова кивнул головой.

Мудрец замолчал, и лицо ангела вдруг омрачилось.

– Разве я что-то делал неправильно? – удивился мудрец.

– Ты всё делал правильно, но ты ничего не сказал о любви, – ответил ангел.

– У меня не было времени на любовь, я искал истину! – гордо заявил мудрец.

– Там нет истины, где нет любви, – с горечью воскликнул ангел. – И глубочайшая истина рождается лишь из глубочайшей любви.

Где есть любовь, там не бывает тяжёлого труда. Там труд становится развлечением, он кажется игрой. Чем бы вы ни занимались, что бы вы ни делали, пусть всегда будет мысль: «Мне нравится это делать. Мне нравится эта работа». Пусть всегда будет состояние: мне это нравится, я это люблю.

В состоянии любви мы способны забыть обо всём, что хотим забыть, и раствориться в том, что хотим помнить. Сила любви приближает нас к Богу. Любовь с такой лёгкостью делает невозможное возможным, как если бы предстоящее дело было уже сделано.

Любовь постоянно приносит ощущение свободы от тревог. Любовь позволяет во время каждого действия ощущать состояние гарантированной победы. Какими бы и насколько серьёзными ни были бы обстоятельства, но гора проблем благодаря любви преобразуется и становится лёгкой, как вода. Вспоминайте Бога, растворитесь в Его любви, и все ваши положительные качества проявятся с лёгкостью, и вас будут любить все.

Смысл сегодняшнего дня тоже в любви. Все трудности в жизни возникают из-за отсутствия любви. Любить себя, работу, родственников, знакомых, Бога, окружающий мир – и жизнь станет наслаждением. Если вы любите всё в этом мире, вы свободны от болезней и несчастий. Любить – значит дарить, не ожидая ничего взамен. Современные люди боятся дарить, так как считают, что тогда что-то потеряют. Любовь – духовное качество каждой души, и её можно и нужно отдавать, дарить. Вся недуховная любовь – корыстна. И она будет утрачена. Любовь естественна для всех, она внутренне нам присуща. Духовная любовь сегодня – редкое качество. Потому что все мы находимся в телесном сознании.

Где есть любовь – легко понять друг друга. Где нет любви – там конфликты. Любовь позволяет сдать экзамен в любой ситуации.

Никогда и ни от кого невозможно получить такой любви, как любовь Бога. Это бескорыстная любовь. Любовь Бога освобождает от усилий. Любовь возможна только тогда и там, где есть воспоминание об Отце.

Любовь – лифт, который поднимает вверх и позволяет летать. Здание любви зависит от того, насколько Бог стал вашим миром. Любовь – сила, когда другие говорят: «Да!», если собирались отказать. Даже если нет времени, они скажут: «Да!» Нужно быть по-настоящему сильным, чтобы любить людей – любить, несмотря ни на какие искушения, провокации, причины, по которым вам не следует любить. Любить, несмотря ни на что, – вот секрет величия.

Настоящий признак душевного здоровья и равновесия – продолжать любить. У того, кто способен на это, великая судьба. У того, кто не способен, – лишь скорбь, ненависть и отчаяние.

Если человек хочет легко пройти жизненный путь, не спотыкаясь и не мучаясь, он должен научиться любить. Любовь – путь к силе.

Только очень сильные люди могут любить несмотря ни на что. Дарите любовь на каждом шагу, и вы будете принимать её снова и снова. Если любишь кого-то от всего сердца, к его слабости всегда относишься, как к своей собственной. Любовь не приходит к нам сама. Мы создаём её, и у каждого есть способность любить. Любить – значит понимать и уважать, искренне заботиться о благополучии другого. Мы получаем от жизни то, что отдаем ей сами. Не отношения приносят нам любовь, а мы вносим любовь в отношения. Если я научился любить, я неизбежно создам отношения, наполненные любовью. Любите, используйте все возможности, чтобы дарить любовь другим. Отдавая – обретаем. Если вы постоянно думаете только о том, как заработать больше денег, любовь обойдёт вас стороной. А без любви жизнь теряет всякий смысл.

Напомню древнее пророчество индийцев кри:

«Только когда срублено последнее дерево, только когда отравлена последняя река, только когда поймана последняя рыба, только тогда оказывается, что деньги несъедобны».

Мы становимся тем, о чём мы думаем. Если у вас злые мысли – вас охватывает злость; если у вас радостные мысли – вы испытываете радость; если у вас счастливые мысли – вы испытываете счастье; если ваши мысли полны любви – вы испытываете любовь. Измените свои мысли – и вы измените свои чувства. Всё просто. Говорят, что по-настоящему велик тот, кто побеждает себя.

Любить – действовать, исходя из наибольшего блага для другого. Если хотите, чтобы вас любили, учитывайте потребности других. От других мы хотим безусловной любви. Но такую любовь может подарить

только Бог. Он в любви не ставит никаких условий и любит нас такими, какие мы есть. Чтобы привлечь Бога в свою жизнь, думайте о Нём, делайте то, что хочет Он. Слушайтесь – и океан любви будет с вами.

Когда вы улыбаются кому-то, что обычно происходит? Вам улыбаются в ответ. Доброе слово, подарок, телефонный звонок, письмо... что угодно, чтобы показать человеку, что вы заботитесь о нём. Любовь похожа на бумеранг, она всегда возвращается обратно. В отличие от имущества и денег, запас любви у нас неограниченный. Мы не теряем её, когда дарим. Единственный способ потерять любовь внутри себя – не отдавать её другим. Настоящая любовь ничего не просит взамен. Любовь совсем не любовь, если даётся с условием.

Во взаимоотношениях нужно больше обращать внимание на то, что вы можете дать, а не на то, что вы можете взять. Если вы хотите взять больше, чем можете дать, неизбежны проблемы в любых отношениях. Всегда думайте о том, что вы можете дать, и будете иметь со всеми превосходные взаимоотношения. Не думайте, что вы можете иметь от этих взаимоотношений, а думайте о том, что вы можете дать. Мы ничего не получим от других, если не научимся отдавать. Если вы хотите получить любовь, просто дарите её. Чем больше любви вы дарите, тем больше её получаете.

Не копите вашу любовь и не считайте её. Не будьте скупым – вы всё потеряете. Наоборот, позвольте вашей любви цвести, делитесь ею, раздавайте её, пусть она растёт.

Притча «Семена»

Увеликого короля было три сына, и он хотел выбрать одного наследника. Это было очень трудно, потому что все трое были очень разумными, очень храбрыми. Они были одного возраста и близнецами, так что невозможно было решить. Он посоветовался с великим мудрецом, и тот дал ему совет.

Король вернулся домой и попросил всех троих сыновей прийти. Он дал каждому сумку цветочных семян и сказал, что сам отправляется в паломничество. «Оно займёт несколько лет – один, два, три года, может, больше. И это испытание для вас. Эти семена вы вернёте мне, когда я вернусь. Кто лучше сохранит их, тот станет моим наследником».

И король отправился в паломничество.

Первый сын подумал: «Что мне делать с семенами?» Он стал держать их в железном сейфе. Когда отец вернётся, они будут такими, как были.

Второй сын подумал: «Если я буду хранить их так, как мой брат, они умрут. А мёртвые семена вообще не семена». Он пришёл в магазин, продал их и получил деньги. И при этом подумал: «Когда вернётся отец, я пойду в магазин, куплю новых семян и дам их отцу лучшими, чем они были».

А третий сын пошёл в сад и посеял семена, где только было свободное место.

Через три года, когда отец вернулся, первый сын открыл свой сейф. Семена умерли и плохо пахли.

Отец сказал:

– Что это? Разве эти семена я дал тебе? Они должны были расцвести цветами и дать прекрасный аромат, а эти семена воняют! Это не мои семена!

Сын возразил, что это те же самые семена, но отец сказал: ты – материалист.

Второй сын бросился в магазин, купил семян, вернулся домой и преподнёс их отцу.

Но отец сказал:

– Но они не те же самые. Твоя мысль лучше, но всё же это не то качество, которое я хотел бы видеть в тебе. Ты – психолог.

Он пошёл к третьему сыну в большой надежде и страхе одновременно: «Что он сделал?»

А третий сын повёл отца в сад, где цвели миллионы цветов вокруг, и сказал:

– Это те семена, что ты дал мне. Как только они созреют, я соберу их и верну тебе.

Отец сказал:

– Ты – мой наследник. Вот так и нужно поступать с семенами! Запасающий не понимает жизнь, подсчитывающий ум также потеряет всё. Только созидающий ум может понять её.

Цветы символизируют любовь, а любовь нельзя сохранить, прятать.

Это не случайно, что цветы являются символом любви, во все века, во всех странах, в любых обществах. Любовь подобна цветам. Если она зацвела, то нужно делиться, отдавать. И чем больше её

отдаёшь, тем больше она растёт в нас. Если продолжать её отдавать, придёт день, когда сам станешь неизменным бесконечным источником любви.

Любить – это не ограничивать свободу других в принятии собственных решений, предоставить свободу жить так, как они хотят, а не так, как хотим мы. Когда в нас проявляются пороки – страх, неуверенность, робость, – мы ограничиваем свободу других.

Выражайте свои чувства – и ваша жизнь изменится. Говорите честно и открыто. Любить – значит учиться общаться. Когда вы держите свои чувства запертыми внутри, мало того что вы можете стать замкнутым и подавленным, вы к тому же не даёте вашим близким возможности предложить вам свою помощь или поддержку. Учитесь общению и задайте себе вопрос: «Если бы ты должен был скоро умереть и мог позвонить по телефону тем, кому хочешь, кому бы ты позвонил, что бы ты сказал и почему ты не делаешь этого прямо сейчас?»

Уметь слушать и понимать чувства других – любить. Дайте понять другим, что вы их любите. Не бойтесь говорить: «Я люблю вас». Единственный человек, который может изменить что-то в вашей жизни – вы. Никто другой. Распахните своё сердце для других, будьте любящим, честным и искренним. Любимым можно стать, только потрудившись. Чем больше потрудитесь – тем больше будете любимы всеми. Любовь – это плод ваших усилий. На тех, кто трудится, все смотрят с любовью.

Когда нет любви, жизнь лишена вкуса. Любовь настолько возвышенна, насколько возвышенно отношение к Богу.

И ещё несколько вещей, важных для общения.

1. Жизнерадостное лицо и улыбка очень помогают общению.

Улыбаясь, мы уже не в состоянии углубляться в неприятные проблемы, они отходят сами собой. Именно поэтому те, кто часто улыбаются, смеются, значительно меньше обижаются, злятся, переживают, подозревают, боятся. Становясь таким образом более приятными в общении для окружающих и, как результат, более успешными в жизни.

Не переставайте улыбаться в любой ситуации, и вы будете красивы, здоровы и притягательны для других. Так вы будете приближаться к гармонии с самим собой, окружающим миром. Наш Небесный Отец любит наши улыбающиеся лица. Когда мы улыбаемся, Он рядом с нами. Заряжая позитивной энергией других людей, мы создаём во-

круг себя доброжелательную и радостную атмосферу. Улыбайтесь – и с вами захочет общаться каждый.

Улыбка говорит о чём-то хорошем.

Улыбка говорит о заботе.

Улыбка говорит о понимании.

Улыбка говорит о согласии.

Улыбка говорит – молодец!

Улыбка говорит: «Я счастлив».

Улыбка говорит об успехе.

Улыбка говорит об удовлетворенности.

Улыбка говорит: «Спасибо».

Пусть сердце наполнится благодарностью и улыбнётся. Возьмите улыбку с собой на весь день, идите с ней на работу и возвращайтесь с ней домой. Пусть улыбка сердца отражается на вашем лице. И вы будете как солнце для других, потому что осветили день каждого, с кем встретились.

2. Никогда не спорьте. В спорах и ссорах теряется истина. Сделать речь говорящего короче можно, только не задевая и не оскорбляя его.

3. Не жалуйтесь. Акцентируя внимание на неприятном, вы отталкиваете людей. Напомню одну известную историю.

Знаменитый писатель Шолом-Алейхем когда-то написал маленький рассказ.

К мудрецу пришёл бедняк и начал плакаться:

– Денег нет, есть нечего, живу с женой и детьми в крохотной комнате. Что делать?

Мудрец ответил:

– Приведи в комнату козу.

– Как это – ведь там и так места совсем нет?

– Делай, что я говорю!

Через неделю бедняк появился опять:

– Жить совсем невозможно, коза блеет, гадит, дети вопят, жена с утра до вечера ругает меня.

– А теперь уведи козу, – сказал мудрец.

Через две недели бедняк пришёл с благодарностью.

– Какое счастье, козы нет, в комнате появилось много свободного места, жена довольна, дети довольны. Всё хорошо.

4. По телефону говорите не более пяти минут. Прежде чем звонить, подумайте, зачем вы звоните? Уважайте время других. Никогда не звоните от нечего делать. Не звоните ранее 9.00 и позднее 21.00.

5. Прежде чем отправить электронное письмо, спросите себя: «Мне действительно нужно отправить письмо? Оно нужно другому? Может быть, лучше взять телефонную трубку и позвонить, или поговорить лично?» Не нужно засорять почтовый ящик другого человека необязательными письмами и пересылать какую-то понравившуюся вам информацию. Если вам что-то интересно, это совсем не означает, что это интересно другим. Отправляйте письма, хорошо подумав.

6. Будьте тактичны и не задавайте вопросов: «Вы беременны? Где вы вставили такие замечательные зубные протезы? У вас контактные линзы?» и т. п.

7. Если вас хвалят, скажите просто: «Спасибо!» Не нужно оправдываться.

8. Не поправляйте речевые ошибки других. Но следите за собственной речью.

9. Не делайте замечаний по поводу походки, осанки, одежды и не делитесь своим мнением по этому поводу с другими.

Общаясь с людьми, принимайте всё легко. Просто помните, что каждый делает то, что может.

НИНА СОРОТОКИНА

Актриса

Беда была в том, что сценарий не клеился. Герой (он назвал его условно Антип Захарович) – ровесник века: в восемнадцать делал революцию, в тридцать раскулачивал, в тридцать семь сел, в пятьдесят три вышел, но не озлобился, осознал все ошибки культа личности, а в восемьдесят семь наконец узнал горькую правду о себе и о своём времени. И... здесь два варианта. Первый: «И не поверил этой правде», второй: «И благословил судьбу, что дожил до этого прозрения».

А дальше начинался полный затык, потому что было непонятно, на котором варианте остановиться.

Когда он писал прозу, герои его часто «своевольничали», то есть начинали вести себя совсем не так, как нужно было ему, Альберту Леонидовичу Пильневу, и это зачастую помогало найти правильный путь. В сценариях (и это тайна) герои подчинялись ему беспрекословно.

Второй вариант, «Прозрение» (название условное), больше соответствовал духу времени, зато первый (не поверил и всё такое) был в каком-то смысле интереснее, да и правды в нём было больше, в восемьдесят семь лет разве что Льву Толстому под силу было себя переделать. И всё бы понятно, если бы не кроткое согласие Антипа Захаровича служить верой и правдой как первому, так и второму варианту. Какие бы ситуации ни предлагал ему Пильнев, исписывая

Нина Матвеевна Соротокина – прозаик, сценарист. Автор многочисленных романов в историческом и художественно-документальном жанрах.

горы бумаги, выдуманный старик только косил на автора жёлтым оком и, с умной складочкой поджимая губы, тут же угадывал, что от него требовалось.

Пильнев возненавидел Антипа Захаровича и решил избавиться от него, омоложив героя на двадцать лет. Шестьдесят семь – вполне приличный возраст, когда прозрение вполне уместно, когда человек будет не врагом новых идей, а горячим защитником.

Но в этом случае Евгения Григорьевича (пусть будет Евгений Григорьевич, почему нет?) гораздо уместнее не сажать в тридцать седьмом, а послать на войну, и пусть он отлично воюет, станет Героем Советского Союза... А посадит он его в сорок седьмом. За семь лет лагерной жизни он не успеет озлобиться...

Бред какой! Пильнев словно опомнился. То, что он по-деловому, бесстрастно изыскивает, когда бы упрятать в лагерь ещё не придуманного, не собранного в характер героя, ужаснуло его и вовсе лишило возможности работать.

Он посмотрел на часы. Было двадцать минут двенадцатого. Вот так всегда. Машину обещали подать к десяти, но в кино чужого времени не считают. Пильнев от этого опоздания прямо взвыл, и когда ещё через полчаса перед ним предстал шофер – мальчишка с розовыми ушами, сценарист выплеснул на него всё скопившееся раздражение. Но шофёров с «Мосфильма» криком не удивишь. Он только пожал плечами, миролюбиво бросил: «Машина у подъезда», – и поскакал вниз, прыгая через ступеньку.

Пусть подождут. Пильнев собирался неторопливо, размышляя, что лучше надеть, башмаки или кроссовки, долго трещал зонтом, что-то в нём заело. Он вообще был медленный человек, большой и толстый. Но тучность его была сродни не мягкому и пухлому, а монументальному, эдакой глыбе, трудясь над которой, Господь не захотел убрать всё лишнее. Лицо имел приятное, почти не испорченное излишней толщиной, и только сильно развитые надбровные дуги и большие карие глаза с тёмными, в крапинку веками заставляли собеседника подозревать, что он не такой, каким хочет казаться, то есть не столь добродушен, и вообще с ним надо держать ухо востро. Больше всего Пильнев боялся выглядеть застенчивым, считая, что при его массивном абрисе застенчивость может сойти за глупость, поэтому с годами выработал в себе привычку говорить уверенно и точно, иногда против воли сбиваясь на назидательный тон.

Машина была рафик, в ней сидели две женщины. Первая не стоила внимания: узкая, надменная, выцветшая – моль белая. Во второй Пильнев узнал ассистентку Верочку. Это она ему позвонила вчера, когда он перекраивал Антипа Захаровича в Евгения Григорьевича, и, сдерживая радость, что она разыскала его даже в Ленинграде в доме друзей, куда он спрятался для работы, стала уговаривать приехать на съёмку. Всего на один день, Альберт Леонидович, совсем небольшой разговор, но Колюжин заверил, что без вас никак нельзя обойтись.

– Куда мы едем?

– Я вам вчера говорила. Сцена казни. Петропавловская крепость.

– Ах, да, – хмуро согласился Пильнев. – Казнь так казнь.

– Простите, что мы опоздали, – продолжала Верочка виноватым голосом, – но это не наша вина. Мы за актрисой ездили, а самолёт опоздал. Из-за погоды. Простите.

Верочку давно бы следовало называть Вероникой Анатольевной, но цыплячья её худоба, спортивные маечки и завязанные в хвостик волосы искажали представление о времени. И только чуть заискивающая мудрая улыбка и плохо скрытая шарфиком шея давали возможность понять, что перед вами не девочка-переросток, а взрослый и толковый человек.

– Вы не знаете, зачем я понадобился?

Пильнев обронил вопрос и тут же пожалел об этом. Толкового ответа Верочка всё равно не даст, зачем ей вмешиваться в дела режиссёра-постановщика, однако Верочка очень подробно и дельно всё объяснила: надо чуть-чуть изменить сцену казни, и ещё сцену прощания, и, может быть, слегка подправить финал, а главное, Альберт Леонидович, сроки поджимают, и мы не успеваем всё снять.

Вот так всегда. Не успеют снять сцену на натуре, переписывай её для павильона, но текст желательнее оставить тот же. В сценарии пена летит с лошадиных морд, разговор поспешный, на ходу, а в фильме потом героини почему-то чай с баранками пьют, и совсем непонятно, зачем похищать героиню, если им и так хорошо.

– И познакомьтесь, Альберт Леонидович, – это наша Бестужева.

Пильнев круто повернулся и почувствовал, что краснеет.

– Ольга Нестеровна, – она слегка прикоснулась к его руке своей продолговатой прохладной дланью.

– Нестеровна? – переспросил он зачем-то.

– А фамилия моя Боташова, – добавила она ровно и устремила взгляд в лобовое стекло.

Ах, как нелепо получилось. Он отлично знает её фамилию. Садясь в машину, он кивнул, но кивнул как-то вообще, так не здороваются с актрисами, тем более что они уже были знакомы... кажется.

Неловкость ситуации отвлекла Пильнева от невесёлых дум о «Прозрении» и сценариях вообще. Он даже как-то взбодрился, сел вплоборота, чтобы краем глаза видеть Боташову, удобно расслабился и стал думать, что бы сказать такое, чтоб сохранить хотя бы видимость разговора. Спросить, как долетела? Глупо. И так видно, что плохо долетела, мёрзнет и тени под глазами. Интересно, сколько ей лет. За сорок, это понятно. Но сколько за сорок? Ближе к сорока или к пятидесяти?

– Вы со съёмки прилетели? – придумал он наконец вопрос.

– Ольга Нестеровна из Ялты, – поторопилась с ответом Верочка. – Она там отдыхала. Мы с жутким трудом вытащили её на два дня. С билетами творится что-то страшное.

Да, конечно, она из Ялты. За Боташовой давно утвердилось амплу кинематографической красавицы. Она и впрямь хороша, только уж слишком правильные черты лица. А эти неживые волосы, и белёсые ресницы, и потемневшая кожа – это всего лишь загар, морская соль и ветер. Перед съёмкой она не дала себе труда причесаться и подкраситься, немудрено, что он её не узнал.

Забывшись, он рассматривал лицо Боташовой с прилежностью, с которой изучают фотографию в бюро пропусков. Она никак не мешала его любопытству, тем удивительнее вдруг прозвучал её вопрос, заданный низким, словно простуженным голосом:

– А как меня будут казнить?

Пильнев смутился и поспешно отвёл глаза.

– Собственно казни в фильме не будет. Вы ведь читали сценарий... целиком? – он помолчал, ожидая ответа, и, не получив его, продолжал: – Бестужевой присудили кнут и урезание языка. Но она подарила палачу крест – дорогой, целое состояние подарила. И палач её пожалел – бил вполсилы и отрезал только кончик языка. – Пильнев для убедительности показал свой язык и слегка чиркнул по нему пальцем. – Даже народу показать было нечего.

– Это вы сами придумали – про Бестужеву и казнь?

– Нет, конечно. Бестужева Анна Гавриловна – подлинное лицо, дочь канцлера Головкина, первым браком Ягужинская, вторым

Бестужева. Только она не была так уж красива, мала ростом и лицо в оспе. Но вела себя в высшей степени достойно, и во время следствия, и на казни.

Станный какой-то разговор. С одной стороны, актриса входит в роль, всё бы понятно, если бы вопросы не задавались с таким отрёпанным видом. И эта привычка не смотреть в лицо собеседника! Клокотал в ней какой-то истерический прибор, как в раковине, в неё всё время приходилось вслушиваться.

Вот уже Зимний проехали, перед глазами в полной красе встала Нева, и стрелка, и Петропавловские бастионы, и шпиль собора за ними.

– А что такое дыба?

Это ей ещё зачем? Никакой дыбы в сценарии нет. Зачем ей этот натурализм, фильм совсем не об этом – псевдоисторическая лента, не более.

Но повесть – это другое дело, там всё надо знать точно. Он вспомнил библиотеку, узкий зал, тесно составленные столы и головы, головы, великое содружество читателей, в котором каждый подлежит своей книге. Он может читать «про любовь», или искать истину, или кропать диссертацию, а он, Пильнев, корпел над трудом «Обряд, како обвиняемый пытается». Свет лампы освещал старые страницы.

Дыба, на которую поднимали Бестужеву, – это вот что такое: два столба с перекладиной, как виселица, палачу надлежит приходиться со своим инструментом, как-то хомут шерстяной, а к нему верёвка длинная и кнутья...

Пильнева хватило только на час работы, аж взмок весь, словно камни ворочал. Потом мерил курилку шагами и стыдился сам себя – чувствительный, как барышня! По боярскому наущению следовало, «чтобы во всяком городе без палачей не было». Палачей должны были выбирать из себя посадские, а коли никто не хотел занимать эту должность, то брали палачей из преступников, суля им за согласие освобождение от телесного наказания. Но иногда и преступники не соглашались, и их назначали на должности противу воли. И руководство к действию давали: «...и в те тиски кладут персты злодея и вертят так, что оный изумлённым бывает».

Рафик проехал по деревянному мосту.

– Странно, – сказала Боташова. – Здесь меня венчали, теперь здесь будут казнить.

– Венчали? – очнулся Пильнев. – Когда?

– Лет двадцать назад. В Петропавловском соборе. Я ещё училась и играла жену революционера. Тогда меня звали Серафима, и мы расставались перед вечной разлукой. Потом этот эпизод полностью вырезали.

– Как назывался фильм?

– То ли «Перед зарёй», то ли «После...». Я забыла. Какое-то революционное название.

Пильнев хотел сказать, что не помнит такого фильма, но они уже приехали. Вокруг них кипел восемнадцатый век. Массовка, изображающая простой люд, стояла зажата между операторскими рельсами и каретами, в которых сидела обряженная в бархат знать. Поодаль стояли автобусы, зрители, было очень шумно. Оператор навис над кинокамерой, вид у него был набыченный. Подле стоял режиссер и что-то втолковывал ему, стараясь перекричать толпу.

– Гриша! Колюжин! – Пильнев врезался в массовку, как в лесную чашу, а когда режиссёр оглянулся, стал тыкать в себя пальцем, вот он я – приехал.

– Привет, – отвлечённо и даже досадливо крикнул режиссёр, – подожди немного. И окинь всё взором... – Он махнул рукой в сторону Зотовского равелина, на котором был установлен эшафот, и опять склонился к оператору.

Вот так всегда... Срочно, позарез, немедленно, а приедешь – никому не нужен.

Пильнев ещё не знал, что режиссёр уже переписал и перекроил всю сцену заново, решив вернуться к первому варианту сценария, а сценаристу надлежало хотя бы присутствием своим разделить ответственность за вольное его обращение с уже утверждённым материалом.

На объединении сценарий обсуждали три раза и каждый раз вычёсывали из него, как блох, тексты про доносы, аресты, допросы с пристрастием и прочее. В результате этих причёсываний сцена казни усохла до столь скудных размеров, что и снимать было нечего. Весь ужас происходящего должен был уместиться в зрачках массовки, сюжетная же линия укладывалась в горестные реплики всё той же толпы.

А в первом варианте Бестужева ещё до кнута проживала всю казнь, кинолента должна была показать и страх, и осквернённое её достоинство, и как крест палачу передала, как народу поклонилась:

«Простите меня, православные», и епанчу с неё срывали, как с гулящей девки, которую привели к позорному столбу.

Всё высветлилось в голове режиссёра, только Бестужева застряла в аэропорту, массовки из-за плохой погоды собралось втрое меньше, чем значилось в заявке, в суете на базе забыли половину костюмов, солнца не предвиделось, и операторская группа второй час ставила свет. Всё было из рук вон... Невозмутимый и сытый вид Пильнева неприятно поразил режиссёра, и он обругал себя: «Зачем вызвал этого слона на съёмку?»

К равелину повели лошадей, куда-то побежали драгуны с ружьями наперевес. За драгунами поспешал помреж – грустный человек с пристальным прищуром и большим, не по росту, «матюгальником» в руке. Увидев Пильнева, он задержался на секунду, заулыбался, но тут же озабочился чем-то дальним и зычно крикнул в микрофон:

– Я попросил бы лошадей не загораживать двери! Отставить идти туда лошадям!

Около массовки суетилась гримёрша Галочка, рисовала кому-то возбуждённый румянец, кому-то вешала на ресницы глицериновые слёзы.

– Сотрите губную помаду с монашки, – сказал ей на ухо Пильнев. – Насколько я понимаю, будет крупный план, а эта вековуха...

– Ой, здрасте... – пискнула Галочка. – Какая монашка?

Пильнев показал подбородком на мучнисто-белую старуху с нарисованными бровями и пунцовыми, как георгин, губами.

– Она не даётся, – сразу скисла гримёрша, но, приободренная строгим пильневским видом, пошла к группе монашек.

Бело-мучнистая что-то заподозрила и, искоса поглядывая на Пильнева, стала слюнявить платочек и тереть тонко нарисованные брови. Краска не стиралась. «Выжгла небось», – со злобой подумал Пильнев, он опять был обижен на весь белый свет. Массовка приумолкла, повернула головы, ожидая от этого раздражённого дополнительных указаний. Роскошная, в рюшах и брильянтах дама в карете, которая до этого лузгала семечки, собирая очистки в озябший кулачок, тоже замерла, забыв сплюнуть шелуху с губ.

Пильнев поспешно отвернулся.

– Альберт Леонидович! А я смотрю – ты, не ты? Здравствуй. Видел помост? Перспективка, а? Я как этот равелин увидел, да ещё с пандусом этим, прямо забалдел, – художник цепко держал руку Пильнева

и тащил вверх, к помосту. – Здесь поставим солдат... из той двери она выйдет. А как тебе палач? Надеть ему маску?

– Что это тебе – Голливуд? На Руси не надевали масок.

– В маске эффектнее, – художник говорил радостно, напористо, ему очень хотелось, чтобы сценаристу всё понравилось.

– Ты мне лучше скажи, зачем на эшафот этот стол поставили с верёвками этими дурацкими? Как здесь палач работать-то будет? Не знаешь, как наказывают кнутом, – спроси.

– Старик, стол – только деталь. А палач работать у нас не будет. Он будет стоять, крепко так, ноги как колонны. Камера снизу, фон – небо. Только бы дождя не было. Нет, ты посмотри, какое небо!

Художник ликовал так, словно это низкое небо было его творчеством, гигантским полотнищем, на которое он в последний момент нанёс небольшое проглянувшее вдруг окошко нестерпимой голубизны и пробившиеся сквозь него лучи – солнечный снопок, уткнувшийся куда-то в середину Васильевского острова.

Массовку с ужасом в глазах, всхлипываниями и жестами отчаяния снимали долго, а Колюжину всё не хватало страстей, он взмок, сорвал голос и, наконец, вырвав из рук помрежа микрофон, стал громогласно распекать толпу: кто-то крестился католическим крестом, кто-то пялился совсем в другую сторону, забыв, что смотреть надо на угол мечети, такую оператор выбрал точку.

Пильневу вдруг жалко стало режиссёра, до стеснения в груди жалко за проступившие морщины, за обвисшие плечи, за испарину на лбу. Даже лысина у Колюжина взмокла. В спокойные минуты он закрывал её волосами, зачесывал сбоку частой расчёской, а здесь она обнажилась вдруг, такая незащищённо-детская, что Пильневу показалось, что он подсмотрел недозволенное.

Всё это время Боташова сидела в костюмерном автобусе под развешенными на плечиках камзолами и платьями, глядя куда-то в окошко отрешённым, полностью замкнутым на себе взглядом. Потом группа обедала, но и здесь Пильнев не смог толком поговорить с режиссёром: ты мне нужен позарез, но всё завтра... завтра. Сейчас плохо соображаю. Ты хоть понял, что мы сейчас будем снимать?

Понял, понял... И вот уже Боташова, босая, с гладко причёсанной головой, в сером, не одной массовой трёпанном одеянии, пошла к помосту.

Вся сцена – общий план, средний и крупный – была сыграна ею так, что у Пильнева, стоящего рядом с камерой, была одна задача:

только бы никто не увидел его увлажнившихся глаз. Ведь это смешно, ей-богу, когда сценарист плачет над своим собственным материалом.

В семь часов вечера машина привезла его домой. Есть не хотелось, хотя об ужине он ещё утром думал с удовольствием – обнаруженная в холодильнике баночка крабов сулила очень неплохой салат. Кулинария – его хобби, но только не сейчас. Он попил чайку с бутербродом.

«Бабий заговор»... За что казнили Бестужеву, Лопухину и иже с ними? За крамольные речи, за дерзкое поношение царствующего дома, а попросту говоря – за болтовню и злые сплетни в гостиных.

Когда отсняли средний план и оператор стал менять кадр, Боташова отошла в сторонку. Гримёрша было кинулась за ней, чтобы поправить парик, но Колюжин бросил: «Оставь её!» Боташова спряталась за помост, нагнула голову и что-то зашептала, прикрыв рот худыми пальцами. Пильнев боком, боком приблизился, словно хотел сверху рассмотреть кронверк. Боташова молилась.

Здесь и привязалась к нему нелепая, когда-то прочитанная фраза: «Вот прииде некто тать...» После пятой репетиции – оператора всё не устраивал свет – Боташова не выдержала: «Всё! Снимайте... Больше нет сил!» – всхлипнула по-детски и разрыдалась. Колюжин аж за голову схватился – как хорошо! «Ольга Нестеровна, умоляю... повторите этот жест... и всхлип... Без хлопущки, сразу, снимаем!»

Потом все поздравляли, благодарили. Она кивала, улыбалась. Не улыбка, гримаса – бледная, даже загар сошёл, и всё повторяла, стараясь придать голосу обыденный тон: «Устала... И холодно как! Устала...» Кто-то накинул ей на плечи ватник.

* * *

Ладно... надо работать. Он сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги, подумал, потом достал из корзины давешние черновики. Поспешные, чуть косящие строки, перечёркнутые абзацы, столбики дат. Он вычитал одну дату за другой, подсчитывая, сколько у героя ушло лет на детство, сколько на вольную жизнь после лагеря. Внизу был нацарапан рисунок – сложная геометрическая композиция. Пильнев задумчиво пририсовал несколько квадратов и треугольников. «Да расстреляли её, – сказал он вслух. – Расстреляли

в тридцать девятом!» – и с удивлением отметил, что говорит не о герое, а о героине.

Он встал, потом взял телефонную книгу, отыскал гостиницу «Южная». Администратор тут же сообщил телефон и номер Боташовой.

Ну хорошо, сейчас он дозвонится, и что?.. А ничего... Просто позовёт куда-нибудь поужинать. Можно попросить Аркашку, старого приятеля, он устроит тихий ресторан где-нибудь возле воды. Он скажет, что восхищён работой Боташовой, закажет шампанское. Надо только заранее продумать разговор, чтоб всё было остроумно, а не так – он сидит, она сидит, и всё...

Ещё одна мысль не давала Пильневу покоя. Был и у него фильм про революционеров, как не быть. Сюжет он помнил смутно, может быть, там кто-то и венчался, не в этом дело. Ещё утром, когда они ехали в рафике, шевельнулся в нём тихой болью отзвук на это имя – Серафима. Так звали его бабу и любимую тётку.

Он никогда не называл так своих героинь, подсознательно запрещая себе тревожить тени этих женщин всуе, потому что всеми дарами, которые держала судьба за пазухой в тридцатые годы, она наградила двух Серафим сполна. Но по молодости, по глупости он мог вписать это имя в тот старый сценарий. И тогда получалось, что это он венчал Боташову, он же сегодня её казнил.

Он набрал номер. Ольгу Нестеровну? Ах, её нет? Соседка по номеру? Понятно. А куда она ушла, если не секрет? Не знаете... Спасибо. Передайте, что звонил Пильнев, сценарист.

Он ещё побродил по комнате, потом сорвал плащ с вешалки и поехал в «Южную». В конце концов, он должен поговорить с режиссёром. «Колюжину удобно завтра, а мне сегодня, – твердил он по дороге, – потому что завтра мне нужно работать, а не отвлекаться на бесполезный треп».

По коридорам «Южной» бродило в основном население Кавказа, Средняя Азия была представлена беднее. Пахло дынями, подгнившим виноградом и чем-то сантехническим – то ли дешёвым мылом, то ли мокрыми полотенцами. Лифт, конечно, не работал.

Колюжин сидел в своём двухкомнатном люксе и пил чай с коньяком. При появлении Пильнева он не выказал ни особой радости, ни удивления, потому что уже стал самим собой, с зачёсанной лысиной, моложавым, изящным, циничным, но в меру, и, как всегда, очень в себе уверенным.

– Коньяк принёс?

– У тебя же есть.

– Да и тут и было-то на доньшке, – он перевернул бутылку вверх дном, «выдавив» из неё последние капли коньяка.

Пильнев неторопливо снял плащ, расчесал перед зеркалом свои рассыпающиеся веером волосы и плотно уселся в узком кресле, давая понять, что зашёл не на пять минут, а для длительного разговора.

– Слушай, Гришка, скажи мне честно – ты будешь снимать «Прозрение» или нет?

– Что, работа не идёт?

– Я даже не знаю, на сколько серий мне рассчитывать.

– На две. Больше денег не дадут ни при какой погоде.

– А, чёрт с тобой... Всё равно ты не скажешь мне сейчас ни да, ни нет. Я тебя знаю.

– Отношения решил выяснить? – с иронической гримасой спросил Колюжин и, как стопку водки, опрокинул в себя остатки чая.

– Вот уж чего я не делаю, так это не выясняю отношения с друзьями.

– Это ты прав. Начнёшь выяснять – и выяснишь, что одного друга у тебя нет. – Он закурил и добавил брезгливо: – Третий раз бросаю.

Пильнев тоже полез за пачкой «Космоса». За все годы их дружбы, а набиралось не менее десяти лет, он так и не мог разобраться, как он относится к этому человеку – любит или, наоборот, ненавидит. В Колюжине он находил то, чего не было в нём самом. Это раз... Кроме того, ни с кем ему не было так интересно, это два. И очень много чего хорошего можно было насчитать, пальцев на руках не хватит, но добрые человеческие отношения не нуждаются в бухгалтерском учёте. Это Пильнев знал твёрдо. Ни с кем другим он таких подсчётов не вёл. А здесь словно уговаривал себя каждый раз – в Грише Колюжине много хорошего, а если криклив, резок, упрям, если раздражает он его часто, вызывая что-то вроде ненависти, так это потому, что профессия у него такая. И ведь талантлив! Пильнев только прикидывает – так-эдак, а он уже всё сообразил. И киногерои подчиняются ему беспрекословно, а при этом выглядят как реальные люди, не муляжи.

– Ладно. Разговор о «Прозрении» оставим на потом. Скажи, что за человек Боташова?

– А зачем тебе знать про Боташову? – быстро спросил Колюжин. «А тебе какое дело?» – мысленно вскинулся Пильнев.

– Знаешь, чем отличаются на «Мосфильме» творческие личности от прочих? У творцов очень цепкий взгляд на баб.

Пильневу бы улыбнуться независимо, а он, как дурак, обиделся, засопел, шея налилась кровью, сейчас и щёки покраснеют. Гимназистка, леший меня побери.

Колюжин расхохотался, потом зашёлся в кашле, тараща глаза и пытаюсь объяснить, что отсутствие юмора хуже СПИДа, потому что от последнего противоядие найдут, а от первого – никогда. Отдышался и закурил ещё одну сигарету.

– Если ты Боташову наметил в «Прозрение», то, пожалуй, угадал. При всех своих роскошных данных снимается она мало, работать с ней трудно, в голове у неё всегда эдакие завихрения. Моя Нинка с ней общалась, она и посоветовала мне взять её на роль Бестужевой. Я же тебе рассказывал. Они с Нинкой в мистику играли, там даже какой-то домашний клуб был: астрал, гороскопы, экстрасенсы и прочая муть. Свою я, слава богу, отвадил.

– Почему муть? Интересно людям. Это их дело.

– Вот ты всегда так. Твой принцип – беспринципность. А я говорю, что нормальный человек не в астральный клуб будет ходить, а делом заниматься, – прокричал, вдруг обозлившись, Колюжин, но потом сник. – А вообще-то несчастная она баба – Ольга Нестеровна. Правда, есть сын, отец известен, из актеров. Большой подлец! Второй муж не подлец, но укатил за кордон, то ли в Израиль, то ли в Америку. Она вроде бы хотела ехать с ним, но передумала. Впрочем, здесь всё покрыто туманом – на уровне сплетен. Что тебе ещё рассказать?

– Ничего. Ты мне и так уже лишнего наговорил.

На последнее замечание Колюжин никак не отреагировал, зная, что Пильнев сплетничать не любит и к увлечению других этим интересным занятием относится весьма болезненно, поэтому придал беседе другой оборот:

– Играла она сегодня великолепно, боюсь только, что это всё псу под хвост.

Пильнев дёрнулся так, что подломил колёсико у кресла, и оно слегка завалилось на один угол.

– Если казни в фильме не будет, я тебе все рёбра переломаяю.

– Ага... Ты же сам из сценария казнь выкинул! Мало ли что тебе говорили. Бороться надо было. Бороться!

Потом они работали, то есть обсуждали и сцену прощанья, и заключительные сцены, и ещё много всего. Уходя, Пильнев задержался около номера Боташовой, но стучать поостерёгся, был уже первый час ночи.

Утром, едва дождавшись приличного времени, а он посчитал таким десять утра, Пильнев набрал номер Боташовой. И опять с ним говорила соседка. Ольга Нестеровна хотела улететь сегодня, но нет билетов. Она, бедная, просто плачет. У неё в Ялте сын один. Где сейчас? Так завтракать ушла, а потом поедет с группой на площадку.

Пильнев решил не звонить Верочке насчёт машины, взял такси. Съёмки ещё не начались. Костюмеры трудились, обряжая массовку. Колюжин ещё не приехал.

– Боташова? – удивился помреж. – Так её ещё вчера отсняли. На сегодня остались кой-какие крохи, но это за неё сделает дублёр. Ольга Нестеровна, наверное, уже в аэропорту. Вы не представляете, какого труда мне стоило достать ей билет.

Дорога в аэропорт не заняла и полчаса, и всё это время Пильнев с настойчивостью маятника твердил: «Только бы успеть... успеть!» Он не думал, что скажет Боташовой при встрече, ситуация подскажет, но время от времени, выныривая из горячечного, такого непривычного для себя состояния, спрашивал с надеждой: «Я что, влюблён?» И тут же шарахался от этого вопроса.

Бывают такие чувственные всплески счастья, которые потом разом тускнеют, лопаются, как пузыри после проливного дождя, потому что влюблённость может существовать только в заданных условиях: на этой даче, в коридорах этой гостиницы, на аллеях этого города. И Пильнев боялся, что вся его влюблённость может существовать только в непосредственной близости от бутафорского эшафота. Там была сцена, игра, но небо, бастионы, гранёные от слёз глаза Боташовой – всё это было настоящим!

Но не это главное. Прекрасная, отчуждённая и чем-то очень знакомая женщина высветлила в нём самом то, что он так глубоко в себе запрятал, словно этого и не было. Она придала смысл сидению над чистым листом бумаги и уже готова была, хоть и не подозревала об этом, вывести его из тех лабиринтов, которые он сам в изобилии построил в рукописи.

Аэропорт являл собой вид растревоженного улья. Неземной вселенский голос, словно с облаков, объявлял прилёт, отлёт, опоз-

дание, при этом давал полезные указания относительно ресторана и парикмахерской. У объявляющей был лёгкий дефект речи, а может, микрофон барахлил. Да разве найдёшь в этом скопище людей нужного человека?

Вначале Пильнев выяснил, когда будет рейс на Ялту, то есть в Симферополь. Потом он бегал по лестницам, толкался, прыгал через чемоданы, обшарил весь общепит, заглянул в парикмахерскую, трижды пересёк змеящуюся очередь в туалеты. В одежде было тесно, как в коконе, а хуже всего – заколол бок, это камешки в желчном пузыре зашевелились, царапая нутро.

Он перешёл на шаг, стараясь унять боль, обогнул газетный киоск и увидел Баташову. Она стояла в углу и читала журнал: спокойная, элегантная, совершенно чужая женщина, не имеющая никакого отношения ни к эшафоту, ни тем более к его сценарию. Почувствовав его взгляд, она подняла глаза.

– Вы тоже летите? – вежливо, в меру удивлённо.

– Нет. Я вас ищу. Хотел ещё вчера с вами поговорить, но...

– О чём?

– Я хотел предложить вам роль, – Пильнев почувствовал, что краснеет, а главное, в речи его застрял какой-то лишний звук, что-то вроде «э-а-о», и он, как артиклем, предварял им каждое слово. – Женщина трудной судьбы, делала революцию, раскулачивала, сидела, потом вышла... Ну, словом, жертва культа Сталина.

Баташова слушала внимательно, не перебивая ни словом, ни жестом.

– Только сценарий пока не... вылупляется. Конца нет и вообще. Я надеюсь на вашу помощь.

– Какую, помилуй бог?

– Ну, несколько бесед в Москве, так сказать... в рабочем порядке.

– Это вы нарочно придумали про сценарий? – спросила она вдруг. – Сейчас все пишут про культ... разрешили. – Она усмехнулась. – Смешная у вас фамилия. Пильнев. Почему не Пыльнев? Когда буква не на месте, это мешает воспринимать человека всерьёз.

– Вы хотите сказать, что отказываетесь от роли?

– Ну почему же? Не отказываюсь. Я против встреч в рабочем порядке. Я такого рода соавторство не понимаю.

В какой момент она начала говорить с раздражением? Глупо-то как, стыдно...

- Вам плохо? Вы так побледнели.
- Нет, нет. Ничего... – Бок болел нестерпимо.
- Кажется, мой рейс. Послушайте.

Действительно, объявляли рейс на Симферополь, но Боташова не спешила уходить, а даже придвинулась к нему, глядя с испугом.

- Значит, я вас больше не увижу? – выдавил он через силу.
- Альберт Леонидович, ну что вы? Захотите, так и увидите. И роль у вас я сыграю. Только не надо так волноваться, – говорила она то-ропливо и легко касалась его плеча, словно гладила.
- Можно я позвоню вам в Ялту?
- Я не знаю, какой там номер телефона. Пансионат «Море», совсем плохонький. Ну вот... вам уже лучше, да? Ну так я пойду?
- Да, конечно. До свиданья.

По счастью, рядом был подоконник. Разноцветная старуха в галошах на босу ногу потеснилась с узлами. Кто-то принёс воды в крышке от термоса.

До такси Пильнев дошёл сам, а когда приехал домой, боль почти прошла, сменившись смертельной усталостью, сухостью во рту и полным безразличием ко всему происходящему.

Он лёг на диван лицом к стене, прошептал в кожаную подушку: «Она права. Это не моя тема...» – и заснул.

Проснулся он в сумерках. За письменным столом боком сидел человек, казалось, что он одним глазом всматривается в разложенные на столе черновики, а другим косится на Пильнева. Призрачный свет из окна истаивал, как снег, на костистом, бесстрастном его лице.

Пильнев уже понял, что брошенные на стул плащ, брюки и ещё худая очертаниями белая ваза сыграли с ним эту шутку, но хотел продлить игру, слишком неожиданным было появление этого вроде бы навсегда исчезнувшего образа.

– Что мне с тобой делать? – мысленно спросил Пильнев, но, видно, Антип Захарович его услышал, потому что прошептал тускло:

- Пиши всё как есть. Пиши нашу правду, нашу...

«Вот прииде некто тать...» Пильнев закрыл глаза. Он не хотел просыпаться.

АЛЕКСАНДР ШЕПЕЛЬ

Ольховская, 27

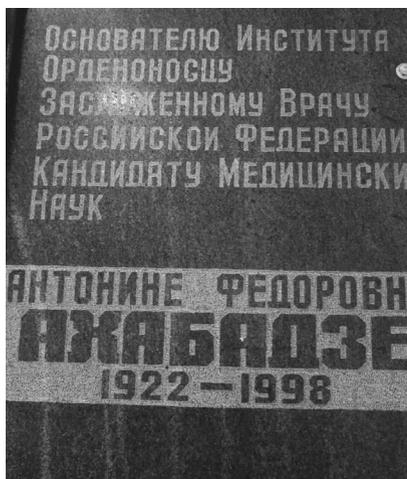
По этому адресу расположено шестиэтажное здание Института пластической хирургии и косметологии, в которое не только со столицы, а и со всех концов света устремился огромный ручей людского потока – людей далеко не безразличных к сохранению своего здоровья.

Если заглянуть в историю образования института косметики и гигиены, то мы увидим, что он создан Приказом № 3194 от 29.12.1936 г. Народного комиссариата пищевой промышленности СССР А. Микояна и первым директором назначен Илья Львович Велахов. Институт был включён в число

*Институт пластической хирургии
и косметологии*

Шепель Александр Дмитриевич – член Союза писателей России, член Академии Российской литературы, лауреат ряда литературных премий.

А. Ф. Ахабадзе

действующих предприятий «Глав-парфюмера» и с 1937 г. располагался в г. Москве по ул. Горького, 19. За весь период менял своё название, а в 1975 году получил новое здание, в котором находится ныне и активно действует, принося людям не только улучшение здоровья, но этим и счастье в жизни. На сегодняшний день он стал флагманом российской эстетической медицины и многопрофильным центром с самым современным, в мировом значении, оборудованием, самыми передовыми технологиями, инновационным подходом к лечению посетивших его людей. Да, его действия основаны на платной основе, но этим одновременно гарантирует качество деятельности, профессиональный комплексный и индивидуальный подход к каждому посетителю.

Коллектив Института с гордостью относится к вжившимся традициям и неуклонно придерживается высоких стандартов, установленных родоначальниками отечественной пластической хирургии: Антониной Ахабадзе, Николаем Михельсоном, Фёдором Хитровым, Василием Чапсыным, Ильёй Фришбергом, Николаем Ру-

Гриб Ю. М., генеральный директор Института пластической хирургии и косметологии

денко, Владимиром Рудько и др. Их продолжателями встали сегодня пластические хирурги: Валентина Змазова, работающая в Институте 48 лет, заведующий отделением пластической хирургии, кандидат медицинских наук Олег Леонидович Никитин, ведущий пластических хирург, кандидат медицинских наук Ксения Авдошенко, заслуженный врач, хирург высшей категории Андрей Выховский, пластический хирург Максим Петрович Вашин, пластический хирург Константин Борисович Липский, врач-анестезиолог Иван Владимирович Лазарев, заместитель генерального директора Михаил Павлюк и, естественно, замечательный руководитель института Юрий Михайлович Гриб, а также многие другие работники, честно и добросовестно, с нескрываемой теплотой относящиеся к поступившим на лечение пациентам.

На семейных встречах с друзьями я узнал о существовании и нахождении на ул. Ольховская, 27 Института пластической хирургии и косметологии, а также о замечательном пластическом хирурге Константине Борисовиче Липском. Мне посчастливилось увидеть его ювелирную работу на лице одной из пожилых женщин, которую он омолодил лет на двадцать. А у меня в это время огромные грыжи вокруг глаз с каждым днем уменьшали моё зрение, уже даже не мог управлять автомобилем, читать, смотреть телепередачи и прочее. До знакомства с Липским я совершал попытки оформления на пластическую операцию в ФГБУ «3 Центральный клинический госпиталь им. А. А. Вишневского» Минобороны РФ. Но узнав о Липском и Институте, твёрдо решил все свои проблемы решить именно на Ольховской, 27. Там же нашёл и Константина Борисовича. Осмотрев мои глаза, он твёрдо ответил:

– Ещё немного и веко закроет левый глаз. Решайте!

И я решил. По обязательному объёму обследования перед операцией прошёл клиничко-лабораторные исследования крови, электрокардиограмму, рентгенологическое обследование грудной клетки (флюорографию), ультразвуковое дуплексное сканирование вен нижних конечностей, эхокардиографию, консультации специалистов: хирурга, кардиолога и терапевта. После чего в назначенное время со всеми медицинскими результатами выехал в Институт в назначенную дату, т. е. 18 сентября 2018 года. Если ехать на метро, то выход на ст. Красносельская из последнего вагона (со стороны центра) по эскалатору направо на ул. Красносельская, а далее либо пешком, либо на трамвае одну остановку мимо красивого православного храма. На перекрёстке повернуть направо на ул. Ольховская и в 40 метрах справа шестиэтажное здание Института.

При входе надев бахилы на обувь, обратился на ресепшн. Меня тут же повели к доктору, осуществляющему приём всех доставленных медицинских документов. Эта работа доктора заняла не более трёх минут, и она тут же сопровождала в палату. Спустя короткое время пришёл Константин Борисович, ещё раз осмотрел состояние моих глаз, дал распоряжение палатной медсестре Ирине Валентиновне Заряевой о подготовке меня к операции и сам ушёл готовиться к ней. Заботливо, с чувством материнской сердечности Ирина Валентиновна это делала, и не только в отношении меня, но и всех остальных пациентов, находящихся в палатах.

Вскоре в мою палату вошёл врач-анестезиолог Иван Владимирович Лазарев. Приятная беседа с ним раскрепостила меня полностью, и я до самой маски наркоза чувствовал себя исключительно спокойно, а спустя три часа после операции окружности обеих глаз очнулся в палате. Тут же как за мною, так и за другими прооперированными заботливо принялись наблюдать дежурный врач пластический хирург Максим Петрович Вашин и Ирина Валентиновна. Через каждые пять минут они заходили в палату, интересуясь состоянием, совершали обработку глаз, делая нужные уколы и принося болеутоляющие препараты. В результате такого тёплого отношения и заботы никакой боли мы не чувствовали. Вкусный ужин подбодрил меня, придал сил и доброй надежды.

После наркоза спать не хотелось. До часа ночи я смотрел телевизор в своей палате: сначала очередную серию фильма «Ищейка», а после другие телепередачи. Во время чуткого сна я чувствовал врачебную заботу: лёгкое промокание выделений вокруг глаз и измерение артериального давления. Утром добродушная женщина (к сожалению, не спросил имя-отчество) принесла вкусный завтрак.

После приёма ряда медпрепаратов и обработки вокруг глаз к тринадцати часам я уже был выписан. Спустившись на первый этаж, там пришлось ожидать прибытия сына на автомобиле и, коротая время, обратил внимание на информационные стенды. Из них я узнал, что это медицинское учреждение не только институт, а многопрофильный медицинский центр со своей поликлиникой. Сюда можно не только обращаться по поводу необходимой хирургической операции, но и проходить лечение. В поликлинике принимают терапевт, эндокринолог, кардиолог, уролог-андролог, невролог, офтальмолог, гастроэнтеролог, аллерголог-иммунолог, стоматолог, акушер-гинеколог, маммолог-онколог, сосудистый хирург, рентгенолог, врач

ультразвуковой диагностики (КТ, ортопантонограф, БУККИ-терапия, маммограф) и другие. Здесь же функционируют клиничко-диагностическая лаборатория и стационар.

Таким образом, в поликлинике проводится полный спектр диагностических мероприятий, лабораторные исследования, консервативное и хирургическое лечение различных заболеваний.

Получив выписку-эпикриз из истории болезни и послеоперационные рекомендации врача Константина Борисовича, я уехал домой, где строго выполнял все предписания врача. Снятие швов было назначено на 24 сентября, и я приехал для этого.

После этой процедуры глаза открылись, но наполовину, потому как на места швов были уложены на три дня наклейки.

26 сентября всё закончилось. Я помолодел лет на 15. Мешки и грыжи вокруг глаз исчезли, за что безмерно благодарен своему врачу и всем тем, кого упомянул в рассказе.

*А. Шепель,
член Союза писателей России,
член Академии российской литературы*

НИКОЛАЙ ШМАГИН

Бледная немочь

Рассказ

Это было во время Олимпиады, в 1980 году. Многие семьи тогда вывозили своих детей из шумной Москвы, на отдых.

Мы с женой снимали дачу для неё и нашего семилетнего сына, в ближнем Подмоскovie. Если проехать по Казанской железной дороге и выйти на станции «Отдых», то справа был город Жуковский, а по левую сторону располагался дачный кооперативный посёлок, в котором в основном жили писатели, их дети и родственники, за-

Николай Николаевич Шмагин – писатель-прозаик, кинодраматург, кинорежиссёр. Родился в городе Алатырь Чувашской АССР.

Закончил с отличием сценарный факультет ВГИК (мастерскую лауреата ленинской премии, кинодраматурга В.И. Ежова), по специальности «литературная работа».

Начал печататься в 1979 году, в качестве внештатного корреспондента газеты «Советский фильм».

Почётный кинематографист России.

Академик Евразийской Академии Телевидения и Радио (ЕАТР).

Член Союза писателей России (МГО СПР).

Член Московского Литературного Фонда.

Заслуженный писатель РФ. Лауреат литературных премий, автор сценариев, романа, повестей и рассказов.

Адрес электронной почты писателя: nnshmagin@gmail.com

частую настолько дальние, что сразу и не поймёшь, кто кому и кем приходится.

Так вот, дачу, являющую из себя уютный дом с мансардой и верандой, увитой диким виноградом, нам сдавала одна из таких дальних родственниц одного известного детского писателя.

Когда-то он построил её для своего брата, у того был сын с семьёй, и Виктория Семёновна была мамой жены этого самого сына. Зять был пропойца, жил безвылазно в Москве, и когда умер от белой горячки, то дочка доверила дачу своей маме, – надо же было на что-то проживать, – и Виктория Семёновна находила приличных людей и сдавала им половину дома на лето.

Дом имел два отдельных выхода, в одной половине жили мы, в другой бабушка с внучкой. Мы снимали у неё дачу несколько лет подряд.

Её внучка, Ирочка, и наш шалопай Кирилл сразу подружились и были не разлей вода. Они вместе играли то у нас во дворе, то у них. Их дружбу не омрачала ни одна ссора. Они с радостью уступали друг другу во всём.

Я работал в Москве, приезжал на дачу в выходные, а жена с сыном жили там постоянно. Иногда они тоже уезжали на день-другой в нашу московскую квартиру в сталинском доме, на проспекте Мира, где их ждала Тамара Фёдоровна, Олина мама. Помыться, привести себя в порядок, так как не очень любила она деревенскую жизнь, пусть даже и дачную.

Жена была коренной москвичкой с Самотёки, и без Москвы не мыслила своей жизни. Но ради сына готова была потерпеть.

Когда они уезжали, Ирочка сразу же заболела. Ей становилось плохо, болела голова, горло, и даже тошнило, и мы все не сразу догадались, что это из-за Кирилла.

Когда Ольга с Кириллом возвращались, она сразу же выздоравливала и мчалась к калитке навстречу, теряя тапки. На щёчках появлялся румянец, она смеялась и веселилась вместе с Кирюшей, который тоже преображался рядом с ней, и вместо книгочех, читающего взахлёб днём и ночью, мы видели весёлого неугомонного мальчишку.

В один из дней Ирочкина мать привезла из Москвы хомяка. Дети сразу же его полюбили. Они ухаживали за ним, кормили, купали в бочке с водой.

Однажды мы увидели, как скорбные Кирилл с Ирочкой сидят на лавочке и тяжело вздыхают. Недвижный хомяк лежал рядом с ними на тропчке.

– У нас Хома умер, – горестно сообщил Кирилл.

– Мы его в бочке купали, а он захлебнулся, – пояснила Ирочка, и когда Ольга протянула руки к хомяку, в глазах у ребят появилась надежда. Они замерли в ожидании.

В руках у Ольги лежало холодное, окаменевшее тельце хомяка. Но не оправдать надежды детей было невозможно, и она начала крутить, мотать из стороны в сторону, тереть, сгибать и разгибать тельце хомяка.

Неожиданно он открыл глаза и чихнул.

Меня, как и жену, поразило это неожиданное воскрешение. Только дети ничуть не удивились ожидаемому чуду, они схватили Хому, и побежали дальше заботиться о нём.

В соседнем доме проживала весьма странная дачная семейка: муж с женой и тещей, иногда приезжал их сын-десятиклассник, долговязый и угрюмый переросток, и тогда все они щебетали и роились вокруг него, не зная, чем угодить, а он только морщился и отмахивался от них, как от назойливых мух. Уходил в лес и долго бродил там, не обращая внимания на то, что его близкие волновались и переживали, поджидая его с обедом или ужином наготове.

Хозяин семейства, Борис, красивый и весёлый, с улыбающимся лицом и копной волнистых волос на голове, великан под два метра ростом, был из исчезающей в наше время породы настоящих мужчин; широкие плечи, с крупными руками, кулак – что голова ребёнка, добряк. Обо всех он заботился, всем хотел угодить, сделать что-то полезное для дома и семьи.

Ещё все спали, а он уже делал зарядку, бегал по тропинке в лес и обратно, затем, оседлав дорожный велосипед, мчался к станции, и покупал у бабушек свежие ягоды для своей любимой Танечки, иначе он её не называл.

Она к этому времени ещё спала. В полудрёме выходила из душевой комнаты в сад, ложилась в гамак и висела в нём, покачиваясь, время от времени прикладывая тонкую руку к бледному лбу и жалобно, болезненно вздыхая.

«С утра уже устала», – думала она, благосклонно взирая на своего огромного, бронзового от загара, мускулистого мужа, который, бросив велосипед, бежал к ней с кульками в руках.

– Танечка, а это я, прямо со станции. Вот, на, держи. Ягод тебе накопил разных, сейчас сполосну.

Он кидался к бочке с водой возле умывальника, наспех споласкивал то малину с клубникой, то смородину с вишней, крыжовник, и на блюде приносил красиво разложенные ягоды своей даме сердца, как и положено настоящему рыцарю, каким он и являлся на самом деле.

Мило улыбаясь своей доброжелательной улыбкой, за которую её так любил муж, Танечка целовала его куда-нибудь в большое лицо и шла по своим делам. Была она среднего роста, изящная, даже худая, в лёгких кисейных одеждах и тапочках на босу ногу. Белёсые волосы обрамляли её бледное, якобы не от мира сего, продолговатое лицо, в глазах была какая-то неземная тоска, и даже божья благодать проскальзывала иногда во взгляде её стального цвета глаз.

За всё это её и любил Борис, боготворя свою жену, и часто носил на своих могучих руках, прижимая к широченной груди.

– Танечка, луна ты моя ненаглядная, ну что ещё тебе принести? Ты только скажи, радость моя.

– Да ладно уж тебе, не утруждайся. Мне и так хорошо. А знаешь, я бы ещё курочку отварную скушала, или цыплёнка, целиком, – пробуждался в ней аппетит, и Борис снова гнал велосипед по дороге на станцию, чтобы купить своей ненаглядной курочку к обеду, а лучше цыплёнка, если повезёт.

Глядя на эту пару, вспоминалась старая байка: «Невзрачная жена красавца-мужа отвечает завистливым подружкам: “Когда Бог красоту раздавал, я спала. А когда начал раздавать счастье, я проснулась”».

Её мама, Алевтина Петровна, была женщиной образованной, интеллигентной. Она всё видела, всех понимала, и принимала их такими, какие они есть. А что делать?

Иногда она заходила к нам, по-соседски, как к людям, вызывающим у неё доверие и расположенность. Общалась с Викторией Семёновной, разговор в основном шёл о литературе, писателях и поэтах, их жизни, сокрытой от глаз обывателей.

Тут уж сама хозяйка, Виктория Семёновна, была на высоте, и выдавала на-гора секреты жизни писательских семей. Да и Ольга, моя жена, знала толк в литературе, так как работала много лет заведующей в книжном магазине, много читала и разговор поддержать могла, как никто. Пили чай с вареньем разных сортов, отдавая особое предпочтение земляничному варенью, или «царскому», сидя на уютной веранде и поглядывая на резвящихся вокруг них Кирюшу с Ирочкой.

Алевтине Петровне было приятно и тепло в нашей компании. Незаметно для себя разговорившись, она как-то поведала нам о том, что Боря с Танечкой учились вместе в одной школе, в одном классе. Сидели за одной партой. После школы поступили в химико-технологический институт, окончили. Всегда они были вместе. Никогда не ругались. Поженились.

– Мы сначала жили бедненько, даже кольца на свадьбу им пришлось купить простые, на золотые денег не хватило.

– Не в деньгах счастье, – скрасила эту часть её рассказа Виктория Семёновна.

– Конечно, вы правы. Это из-за чудного Бориного характера мы так дружно живём, – улыбалась Алевтина Петровна, хитро поглядывая сквозь очки на слушающих её необычный рассказ соседей. – Он и мухи-то никогда не обидит, не то что людей. Всегда в работе, в заботах о семье. Я иногда думаю, за какие такие заслуги бог приблизил к нам сначала этого мальчика, выросшего затем в такого мужчину.

– Да, Борис человек неординарный, – кивал я солидарно со всеми головой, не зная, что бы возразить для разнообразия. – Не надорвался бы только. Хотя, он мужик здоровенный, как дуб. На сто лет хватит.

Как-то раз деятельная и заботливая, но острая на язык жена очень точно окрестила висящую в гамаке Татьяну бледной немочью. С тех пор мы её так и называли в своём кругу.

Ольга смеялась вместе со всеми, поддерживая беседу и поглядывая на мужа. Он прав, как всегда. И следила за сыном, не переутомился бы, бегая вперегонки с Ирочкой.

– Кира, пора ужинать! – возвышала она голос, и сын послушно шёл к столу, за ним так же послушно шла Ирочка. Было видно, она и идёт такой же походкой, как он. И нам казалось, что детская парочка чем-то напоминает Бориса с Татьяной. Кирюша такой же битюжок, а Ирочка – бледная и прозрачная, как Танечка.

– Надо же, как они подружились. Может быть, как мои Борис с Таней будут, чем чёрт не шутит, – заметила Алевтина Петровна, уважительно поглядывая на видную, породистую маму Кирилла, не забывая при этом улыбнуться и солидному папе сквозь очки.

Виктория Семёновна согласно закивала головой в ответ. Она не возражала. Чего тут скажешь, это было бы просто замечательно.

Моё воображение тут же нарисовало картину, в которой взрослый и плечистый Кирилл качает в гамаке сонную прозрачную Ирочку, или

мчится на велосипеде ей за ягодами на станцию, и мне стало не по себе. Мы с женой переглянулись, и я понял, что она подумала о том же.

Пару раз мы встречались все вместе, и даже пообедали сначала у них, потом они у нас, пообщались, попили чайку с вареньем, посмотрели по телевизору закрытие Олимпийских игр, и даже взгрустнули, когда Мишка взмывал в небо.

«До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес...» – пели Лев Лещенко и Валентина Толкунова. Оказалось, что в Москве мы с ними тоже живём неподалёку. Они проживают в соседнем доме, в Капельском переулке.

Работают в НИИ. Инженеры. Вместе ездят на работу и с работы, ходят по магазинам за продуктами. Алевтина Петровна дома хлопот, по хозяйству. Да ещё, помимо дочери с зятем, за любимым внуком ухаживает.

Однако у каждого своя жизнь. Со временем мы виделись всё реже. Иногда утром, выходя из подъезда, я видел мощную фигуру Бориса, пробегающего мимо нашего дома. Он махал мне рукой в знак приветствия, улыбаясь всё так же широко и жизнерадостно, и нёсся дальше, иногда останавливаясь и делая разные упражнения, пока малолюдно на улице, затем продолжал свой бег, исчезая между домами и деревьями сквера.

В последний раз я его видел едущим на велосипеде по дороге. Было воскресное утро, и мы с нашим терьером Тишкой гуляли во дворе дома и в сквере, как обычно. Меня он не заметил, был озабочен чем-то. Может быть, ехал за ягодами и фруктами или ещё за чем для любимой жены Танечки...

Однажды, возвращаясь домой после работы, мы с Олей зашли в наш любимый магазин «Казахстан», что рядом с метро «Проспект Мира», и встретились с Алевтиной Петровной. Но как она постарела и осунулась за то время, что мы не виделись! Хотя и старалась держаться молодцом.

– Как поживаете, Алевтина Петровна?

– Ничего, помаленьку. Танечка всё прихварывает, у неё упадок сил. В санатории была, на восстановительном лечении. Но это мало чем помогло, – махнула она рукой, остановившись передохнуть. – Митя наш заканчивает химико-технологический, как и его родители когда-то.

– Ну а как Борис, что-то его не видать в последнее время, – встрял я в разговор, и пожалел об этом.

– А вы разве ничего не знаете? – вскинулась Алевтина Петровна. – Хотя, конечно. У каждого своя жизнь. Город – это не дача в посёлке, он разделяет людей...

Она помолчала, оглядывая бывших соседей по даче сквозь очки.

– Так умер он, уже год прошёл, как похоронили нашего Бореньку. Сами знаете, какой он здоровяк был. Ничем не болел. Зимой в одном демисезонном пальто ходил, без шапки. А тут поехал на своём велосипеде куда-то и упал вместе с ним. Инсульт. Умер мгновенно. Так врачи сказали.

Мы с женой молчали, ошарашенные известием.

– Ну ладно, пошла я, а то там дома Танечка моя одна, да Митя скоро придёт. Обедом их кормить надо...

Мы долго смотрели ей вслед, всё ещё не в силах осознать и поверить в то, что услышали. Здоровяк-спортсмен Борис уже год как на кладбище, а его болезненная Танечка осталась одна, без него. Без его поддержки и заботы.

Правда, у неё есть вполне бодрая ещё мать, сын, и всё же безумно жаль Бориса и их всех.

Прошли годы. Прогуливаясь в сквере возле нашего дома-высотки, как его все называли, с неугомонным и вездесущим терьером Тишкой, мы вдруг увидели её, Танечку.

Она шла по дорожке, о чём-то задумавшись, всё такая же болезненно-бледная, тонкая, в лёгкой струящейся на ветру одежде, белёсые волосы её слегка поседели, но это было почти незаметно. Она мало чем изменилась. Она прошла мимо, не заметив нас.

И нам вспомнилось вдруг, как часто, проходя мимо их сада на даче, мы видели её висящей в гамаке в томной изнеженной позе, с доброжелательной, как всегда, улыбкой на лице, и ждущей, когда же это приедет со станции её Боренька и привезёт ей разных ягод в бумажных кулёчках.

3

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

Татьяна Доронина. Дневник актрисы
М.: Издательство «У Никитских ворот», 2018. – 416 с. 3000 экз.

Татьяна Доронина. Дневник актрисы

Великолепно изданная, с большим количеством фотографий из уникального архива выдающейся русской актрисы Татьяны Васильевны Дорониной книга, увидевшая свет в первый месяц весны, – лучший подарок зрителям и читателям в

год 120-летия МХАТа. Третье издание дневников художественного руководителя-директора Московского Художественного академического театра имени Горького, народной артистки СССР представляет поклонникам её таланта ярчайший диапазон удивительной творческой личности. Воспоминания о многолетней совместной работе в знаменитом Большом драматическом театре у Георгия Товстоногова с Иннокентием Смоктуновским, Павлом Луспекаевым, Владиславом Стржельчиком, Кириллом Лавровым, Олегом Басилашвили под пером автора ассоциативно переплетаются с размышлениями о долге и вере, историями о военном детстве, семье и, конечно, о любви.

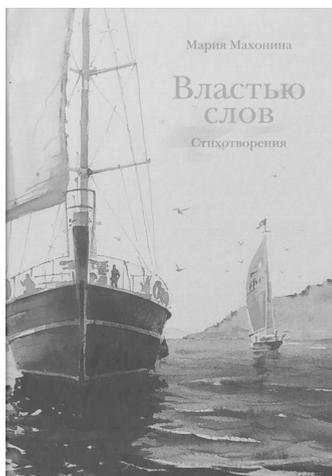
Преыдыущие издания давно стали библиографической редкостью. Зрители, вот уже более 30 лет приходящие во МХАТ им. Горького на спектакли с участием Дорониной или ею поставленные (это всегда аншлаг!), теперь смогут не только увидеть её на сцене, но и многое понять из книги о судьбе неординарной творческой личности. Доверительно искренние, эмоционально тонкие и трогательные страницы дневника позволят больше узнать о любимой актрисе.

А какой удивительный фоторяд! От ярославских корней, дорогого отца и любимой мамы, учёбы в Школе-студии МХАТ до знаменитых спектаклей БДТ, Театра им. Маяковского и МХАТа, ещё не разделённого...

Леонид Колпаков

НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
МАРИЯ МАХОНИНА. ВЛАСТЬЮ СЛОВ. –
ПРЕДИСЛОВИЕ Т. Н. РАДОМСКОЙ. М., «ГИМНАЗИЯ», 2017. – 104 с.

На рубеже тысячелетий

Мария Махонина – автор двух книг стихов: «Другие берега» (М., 2003) и «Властью слов» (М., 2017). Временной разрыв между сборниками показывает, насколько ответственно относится к слову автор.

Между первой и второй книгой пролегло 14 лет жизни. И стало видно, что характерные черты творческого почерка поэтессы остались теми же: строгость, немногословность, сжатая и энергичная мысль стихотворений, заключённая в зримые поэтические образы. Эти свойства сохранились. Что же пришло с течением времени? Углубилась образная

система – образы стали ещё более ёмкими, и на смену строгости пришла аскетичность.

Сжатое пространство стихотворения требует сотворчества читателя, и тогда в его воображении заложенный в стихотворении «конспект» переживаний и мыслей развернётся в романное или эпическое пространство. Эта внутренняя работа требует навыка. Недаром и к первой, и ко второй книге стихов М. Махониной предисловия писали люди искушённые – доктора филологических наук О. Е. Воронова (к сборнику «Другие берега») и Т. Н. Радомская (к книге «Властью слов»).

Сохранились во второй книге и тематические интересы поэтессы. Духовная поэзия занимает в выпущенных сборниках ведущее место. Это и понятно: М. Махонина – матушка Мария – жена и сподвижница протоиерея Сергия Махонина, они вместе оканчивали Педагогический институт им. Ленина (М. Махонина – ещё и аспирантуру), вместе

шли по пути православия, вместе создавали Православную гимназию во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова (в прошлом году гимназии исполнилось 25 лет, С. В. Махонин в ней – бессменный директор, а М. Н. Махонина – завуч). Поэтому стихи православной направленности не только яркие и лаконичные, но и определяющие звучание и первой, и второй книги:

Навлекает беду
Нераскаянный грех.
Много места в аду
И хватает на всех.

Остывает смола,
Расплавляется лёд.
Ты взгляни в зеркала
У широких ворот.

(«Остров Залит»)

Не менее значимой в сборниках является гражданская поэзия. Включённость в современность, активная позиция – свойство серьёзных поэтов. У М. Махониной стихи гражданственны, они отражают внутренний конфликт современника и драматизм социальных сдвигов, необходимость сохранения прочной нравственной основы жизни:

Весело и богато
Петь в европейском хоре.
А Турция моет лапы
В волнах Средиземноморья.

На восторженной ноте
Смотрим в светлое завтра.
А Турция точит когти
О горные цепи Тавра.

(«В Турции»)

или:

Ужель в течение новой жизни
Нам раствориться суждено,
Раз в нашей собственной отчизне
Мы не хозяева давно?..

(«Ужель в течение новой жизни...»)

Философская лирика отличается афористичностью, масштабность и лаконизм создают особое звучание:

Везде
Подстерегают нас утраты,
Чему мы рады,
Тем мы и богаты.

(«Везде подстерегают нас утраты...»)

Любовная тема звучит неожиданно для жанра чеканно, в ней переплелись мотивы жертвенной любви и драматических переживаний. Это высокая женская лирика:

А что любовь? Её, как стих,
Как крылья и как крест нести,
Из всех запазух вынув камень.
Или, как воду, пить с горсти
Вполнеба жаркими глотками...

А на морозе к языку
Ещё металлом липнет имя.
Но звёзды мёрзнут на скаку
И хрупкой сбруей блещет иней.

(«А что любовь? Её, как стих...»)

На мой взгляд, чрезвычайно важна сегодня такая твёрдая нравственная позиция, которая с большой художественной силой и убедительностью выражена М. Махониной в стихах о любви:

Ты все грехи своими назови.
Как ласковы раскаявшихся души!
Но ведь от нас не требуют любви,
И сказано: «Да убоится мужа».

Ужели женщинам спасенье страх,
Отвеивавший многие потери?
И сохранят дымящийся очаг
В сырую полночь запертые двери?

Ужели Евина земная кровь
Так направляет наших душ приливы?
Не оттого ли женская любовь
Порой капризна, и самолюбива,

И попросту безумна? И её
Опасно признавать за добродетель?
Но имя дважды горькое моё
Цветёт на рубеже тысячелетий...

(«Женское»)

Мария Махонина выделяется «лица необщим выраженьем»: стройностью нравственной иерархии лирической героини книг, протекающей от моральных устоев личности поэтессы; отчётливостью интенсивно, пытливо работающей стихотворной мысли; узнаваемым творческим почерком. Поэтому её книга не только украсит книжную полку (оформление художника Валерия Маковского), но и даст добрую пищу для ума и сердца.

Татьяна Сергеева

галерея

Юлия Александрова

Александрова Юлия Геннадиевна — преподаватель английского языка, доцент Всероссийской академии внешней торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 года. Печтается в газете «Московский литератор», журнале «Великороссь». Автор шести сборников лирических стихотворений и трёх сборников городских рассказов.

Григорий Журавлёв

Журавлёв Григорий — живёт в Москве. Член Московской городской организации Союза писателей России. Размышления автора о поэзии: «Поэзия — это такой адреналин. Может быть, песня, белостишьё, несколько ярких строчек на всю жизнь, как афоризм».

Ирина Лезина

Лезина Ирина — москвичка, после окончания МФТИ работала в Академии наук России, 4 месяца стажировалась в Италии. По возвращении окончила курс художественной фотографии. Её учителем длительное время был Виктор Резников.

Профессионально занимается художественной фотографией более 20 лет. На международном конкурсе имени Ришельё, 2018, в номинации «Фотоискусство» заняла 2-е место — «Алмазный Дюк».

Ирина — участник международных выставок и фестивалей. В Театре Армена Джигарханяна в течение года проходила выставка её работ.

В настоящее время Ирина работает над фотокартинами в своём стиле, который она называет «фотографика».

Любовь Ремова

Филолог, педагог, литературный редактор, человек, для которого «жизнь есть текст». Помогла огромному количеству материалов стать красивыми, стройными, грамотными и получает нескрываемое удовольствие от своей работы.

Фотографией увлеклась десять лет назад, и теперь, перефразируя Юрия Олешу, — «ни дня без... фото». Принцип компоновки фотографий при размещении где-либо (преимущественно в <https://my.mail.ru/inbox/rem2007/photo>) — чтобы их число было кратно трем: «грбить» (отсюда и русский глагол «строить»).

Вот и для этого номера подобрано три фото Любови Ремовой:

— *Граффити с Тургеневым сделано на Остоженке вечером 28 октября — как раз, по счастливой случайности, в день рождения Ивана Сергеевича (по старому стилю).*

В преддверии 200-летия со дня рождения Тургенева хотелось поехать в Спасское-Лутовиново, но неожиданно маршрут изменился в сторону... Рязани. Но и там Тургенев не покидал нас. Когда приехали в Солотчу (это недалеко от Рязани), на ул. Порядок, в Дом-музей Пожалостина, не могли оторваться от гравюры, изображающей Тургенева на охоте, а еще больше — от портрета-заметки Полины Виардо.

В этой фотоподборке хотелось вспомнить незаслуженно забытых людей — Федора Емельяновича Бурова (1845—1895), русского художника, жизнь которого была связана с Самарой, и Ивана Петровича Пожалостина (1837—1909), русского художника из Солотчи, мастера гравюры. Буровское изображение писателя более привычно, то, каким предстал Тургенев на гравюре, — настоящее откровение.

Почему-то вспомнилась программа «Наблюдатель» по «Культуре» от 9 ноября — день рождения Тургенева уже по новому стилю — и ответ режиссера Хейфеца (поставил в Театре Маяковского пьесу «Отцы и сыновья» по мотивам тургеневских «Отцов и детей») на вопрос Феклы Толстой, устарел сегодня Тургенев или нет. Поразило то, что Леонид Ефимович испытывает острее чувство несправедливости к судьбе Тургенева: «Чехов, Достоевский, Толстой. По всей видимости, в этой тройке явно не хватает еще одного имени...» Разумеется, Иван Сергеевич не устарел ни сколько. Несмотря на свое 200-летие.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Игорь Артамонов	7
Владимир Берёзко	17
Алексей Волков	20
Олег Гонозов	24
Илья Ермолкин	26
Евгения Залесская	29
Максим Замшев	32
Владимир Козенец	40
Зоя Лезина	44
Василий Ловчиков	49
Сергей Минасянц	58
Глан Онанян	60
Алексей Сазонов	66
Влада Снежникова	68
Игорь Тогунов	71
Михаил Чердынцев	72
Сергей Черноглазкин	75
Валентина Шлыгина	79

Проза

Мargarита Азарова	85
Юрий Безелянский	89
Инна Дёмина	94
Нелли Копейкина	100
Роберт Нижегородцев	103
Ирина Покровская	107
Нина Соротокина	120
Александр Шепель	135
Николай Шмагин	140

Книжная полка. Рецензии

Леонид Колпаков.....	149
Татьяна Сергеева	151

Галерея

Юлия Александрова, Григорий Журавлёв, Ирина Лезина	157
Любовь Ремова	158